

The background is a painting of a coastal scene. The sky is filled with thick, expressive brushstrokes in shades of blue, grey, and white, suggesting a dramatic, overcast day. Below the sky, a dark, rocky shoreline stretches across the middle ground. In the foreground, the water is rendered with lighter, more fluid brushstrokes, showing reflections and textures. The overall style is impressionistic and textured.

Юрий Леонов

НЕСКЛАДУХА

Юрий Леонов

Нескладуха

«Издательские решения»

Леонов Ю.

Нескладуха / Ю. Леонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907519-2

Избранные произведения автора. Сборник повестей и рассказов о жизни и любви, о маленьких и больших подвигах, о личных радостях и трагедиях, о том как люди становятся Людьми. Или не становятся...

ISBN 978-5-44-907519-2

© Леонов Ю.
© Издательские решения

Содержание

ПОВЕСТИ	6
НЕСКЛАДУХА	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нескладуха

Юрий Леонов

Редактор Олег Леонов

© Юрий Леонов, 2018

ISBN 978-5-4490-7519-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОВЕСТИ

НЕСКЛАДУХА

Глава 1

Утро выдалось серенькое, прохладное. Чуть накрапывал дождь. К восьми часам вся бригада собралась у главного корпуса стройки, но спускаться в котлован, где надо было вязать арматуру, не спешили. Похохатывали, подмигивали друг другу – весело начинался денек.

Неделю назад одному из «старичков» бригады, работающих в ней по пятому году, Кеше Кочелабову выдали телогрейку, длинную, до колен – шуба и шуба. Меньших размеров на складе не оказалось. Закатав повыше рукава, деловито настроенный Кеша отбивался от советов доброжелателей, как мог, и уверял всех, что мечтал именно о такой душегрейке: длинной и теплой, чтоб ниоткуда не поддувало. Ему почти поверили. И вот сегодня он заявился на работу в таком виде, что даже записной остряк Влас лишь присвистнул и сочувственно осведомился:

– Кто это тебя так?

– Сам! – буркнул Кочелабов.

Сказать, что телогрейка из «макси» стала «мини», значит ничего не сказать. Обкорнал ее Кеша в душевном порыве едва ли не на треть. Края, подметанные от руки, стали волнисты. Одна пола запахивалась выше другой, а сзади низ телогрейки игриво топорщился.

– Ножницы что ли тупые были?

– Ладно, не подъелдыживай! – на всякий случай пристращал Кеша. – Подумаешь, малость не подрассчитал.

– Надо ж... – Влас деликатно, двумя пальцами одернул сзади низ телогрейки. А ты гирьку подвесь, она и оттянет.

– Или кувалду для надежности.

– Не слушай ты их, Кеша, они с похмелюги наговорят. Лучше оборочку пришей кружевную. Знаешь, как красиво будет!

– Идите вы все!..

– Куда, куда? – с интересом переспросил Влас.

Заняв свое место у опалубки котлована, Кеша принялся орудовать стальным крючком с такой силой, словно закручивал удавку на шее окаянного недруга. Проволока то и дело рвалась. Он выхватывал из-за пояса новую вязку – отрезок проволоки – и с тем же запалом начинал скручивать ее, намертво принайтовывая ребристые хлысты арматуры – крест-накрест, крест-накрест... Стальная решетка опалубки росла все выше и выше.

Бывают же такие имена, что не знаешь, как и привыкнуться к ним. Пока ребенок растет – Кешка. Кешенька – уже близко к «кошечкой». Кеша – чего милей и проще, тепло и душевно, домашнему – пока учится мальчишка в школе. Но пошел в армию, на предприятие, в институт, пора и на другую ступеньку становиться. А та ступенька – Иннокентий, ни больше, ни меньше. Представительно, с очевидной заявкой на личность. А если личность пока не состоялась, тогда как?.. Кеша. Да, Кеша до той поры, пока человек не обретет социальный вес, не «заработает» отчество. Добивайся тогда авторитета, Иннокентий, и не журишь на родителей своих, которым в давние времена не дано было размышлять о таких нюансах.

Когда у Кочелабова что-то не ладилось, бригадир Лясота, не привыкший вникать в душевный настрой сотоварищей, любил повторять: «Кеша Кеша и есть».

Говорилось так вовсе не потому, что работал Кочелабов хуже других – в нерадивых он сроду не числился, но давненько уже закрепилось у бригадира этокое ироничное отношение к длинному козырьку выдавшей виды кепчонки, к бесшабашной веселости Кеша, которую

изредка сменяли приступы непонятной ему самому хандры, и вот теперь вдобавок – к бывшему ватнику, ныне кургузой разлеталке.

Обычно Кочелабов огрызнулся в таких случаях, не задумываясь:

– А что Кеша? Как все, так и я. – Но в это утро в сердцах добавил: – На бугра равняюсь.

Намек был прозрачен: наверняка проворонил бригадир хороший подряд, иначе не крутили бы они сейчас на ветру копеечные проволоочки, а варили бы секции в помещении, как соседи.

Крепыш Лясота, ростом чуть повыше Кочелабова, молча скушал эту пилюлю – сделал вид, что не расслышал сказанного. Но полчаса спустя, когда надо было кому-то идти по непролазной грязи за новыми рукавицами для всей бригады, поплелся на склад, конечно же, Кеша.

– Гляди, чтоб «бэу» тебе не подсунули, – прокричали ему вдогонку.

– Да ла-а! – отмахнулся Кочелабов, что означало: «Да ладно вам, чего пристали, неужто не знаю такой простой вещи, бывшие в употреблении рукавицы от новых не отличу.»

Ушел, и как в воду канул. Уже и обрубок троса на проволоочки расплели, и корреспонденту местной газеты всей бригадой ответили, какими трудовыми подарками намереваются встретить предстоящий праздник, а Кеша все не было.

– За смертью его только посылать, – распалил свой темперамент Лясота. Ну, он придет у меня!..

К тому времени, когда Кочелабов появился в проеме кирпичной кладки, бригадир вполне созрел для крупного разговора. В руках у Кеша ничего не было; глаза растерянные, даже шальные чуть, а губы подрагивали виновато.

Ходок столь откровенно готов был к разносу, что Лясота лишь вздохнул с присвистом и громко произнес:

– Та-ак!

Шмыгнув носом, Кеша блаженненько оглядел тех, кто стоял поближе.

– Обновку что ли обмыл? – закинул удочку Влас.

– Да не, – ответил Кеша нетвердым голосом. Квартиру дают в новом.

И по тому, как вяло, вроде бы даже боязливо, произнесены были эти слова, поверили парню тотчас – не врет. Дают квартиру со всеми удобствами в новом пятиэтажном доме Кочелабову Иннокентию... Как его там, по отчеству?

Не ему первому в поселке, не ему последнему. Но отчего же известие это зацепило каждого из бригады, кто стоял на раскисшем дне котлована: и балагура Власа, и веселоглазую Шуру, и долговязого «философа» Геньча?.. Зацепило – не ударило, до черной зависти дело не дошло. Каждый нашел в себе достаточно радушия, чтобы приобнять Кочелабова за обмякшие плечи и поздравить с таким событием. Но при всем при том аукнулось: «А когда же наступит мой черед?»

Почему же ты, Влас, до сих пор неприкаян? Хвалился, уезжая из Ростова на стройку, что все у тебя будет для счастья, а только и есть – обшарпанный чемодан под общежитской койкой.

По рассказам Власа, нахрапистого круглолицого здоровяка, – таких на юге России зовут гладышами – была у него в Ростове девчонка, пригожая по всем статьям. Любили они друг друга – хоть сегодня за свадебный стол. Только из-за стола вместе идти некуда. Мать отчима привела на десять квадратов коммуналки. На заводе, где работал Влас, жилье обещали не скоро. Будущая теща все агитировала, чтоб ехали молодые в станицу – там от колхоза сразу – отдельный дом, а сама за город держалась.

Почти три года ходил Влас в женихах. Три года вытирал штанами парковые скамейки, где доводил девчонку ласками до беспамяත්ства: и кусала губы, и смеялась, и плакала она, забывая все материнские наказания, кроме одного: «Как дашь ему все, что просит, сразу кончится твоя власть.» Так длилось, пока не выяснилось, что у Ларисы появился другой жених. С той поры

Влас твердо уверовал, что жизнь его не сойдется с заветной линией по одной причине – квартиры своей нет.

«Ненавижу слово «квартира», – с категоричностью любит повторять подсобница Шура, вспоминая при этом Москву, глянцевиные после дождя скамейки Тверского бульвара, пропахшую ванилином булочную за углом...

Окончив десятилетку в родной своей Тимофеевке, поехала Шура учиться в столицу: там двоюродная бабка живет, есть, где остановиться. Старенькая, шустрая розовощекая баба Ляля приняла Шуру по-царски: в отдельной комнате кровать с пуховой периной едва ли не времен нэпа, разносол не столе отнюдь не деревенский: «Кушай, золотце, кушай!»

Первое время Шуре даже не верилось, что живет она в центре Москвы, возле тех самых Никитских ворот, где венчался сам Александр Сергеевич Пушкин. Дом, правда, ветхий, облупленный, кошками пропах, но жить и в такой коммуналке можно, даже если с институтом не получится. Не получилось. Срезалась на первом же экзамене. И то хорошо – хоть сразу все стало ясно. Пришла Шура домой веселая, с тортом, а баба Люся в сторону смотрит:

– Как, золотце, жить собираешься?

– А на работу поступлю, делов-то!

– Ох и ловка! Так тебя здесь и пропишут!

– Ты же старенькая, одна, вот и буду ухаживать за тобой. По уходу пропишут.

– Ловка, ловка! – снова нахмурилась баба Ляля. Я на эту квартиру, знаешь, сколько здоровья угробила, пока отдали вторую комнату, а ты – раз, и в дамках!

Ничего не поняла Шура, снова и снова переспросила, что ж тут плохого, если станут они жить вместе и Шура во всем станет помогать бабе Ляле – и в магазин бегать, и белье стирать...

– Ага, я умру, а тебе двухкомнатная в центре Москвы!

Этот довод так ошарашил Шуру, что даже в поезде, на разные лады повторяя эту фразу, вникая в потайной ее смысл, она никак не могла представить, сколько же надо было затратить усилий и нервов, как изувериться в обычных людских помыслах, чтобы с таким убеждением сказать: «Ага, я умру, а тебе – двухкомнатная». Как будто ради того, чтобы прописаться на эту жилплощадь, и приехала Шура в Москву.

– Да пропади она пропадом, такая квартира!

Если бы пришлось сообща решать, кому в бригаде нужнее всего жилплощадь, пожалуй, отдали б ее Автогенычу, он же Геныч, по паспорту Алексей Геннадьевич Боровиков. Не потому бы отдали, что давно мыкается без своего угла, и даже не потому, что другого такого сварщика-универсала поискать да поискать; а, по-житейски рассуждая, в самую бы пору пришлось сейчас Боровиковым эта квартира.

Жена у Геныча на два года старше его, стало быть, ей уже за тридцать, а детей еще не завели – все по неуюту таскает их кочевая жизнь: то в тайге, на газопроводе, то с мостостроителями... Здесь, на стройке, сначала сняли пол-развалюхи в Нахаловке – стихийном половодье самостроля. На одной половине – старый бобыль из кержаков, на другой, за ситцевой занавеской – они. В том углу, где громоздится печь, от жары обои коробятся, в противоположном, как ни подсыпал завалинку Геныч, северит. Мыслимое ли дело в такие хоромы младенца?..

В самый бы раз сейчас квартиру Генычу, чтоб наконец-то твердо осел на месте, почувствовал вкус к настоящему, со всеми удобствами жилью. Но очередь есть очередь. Пока доказалась она до Кочелабова.

Дождь перестал накрапывать. Шестеро сварщиков сидели кто на чем возле тошенького костерочка, глядели на обалделое лицо счастливого и, согретый общим вниманием, начал приходить в себя Кочелобов, очухался до того, что стал, руками размахивая, объяснять, как повстречал он монтажника Ваську Киле и тот стал жать ему руку до хруста, а с какой стати – не понять.

– Ты что, списка не глядел?.. Твоя фамилия первой. Как раз под сорокаквартирный попадешь.

– Не трепись.

– Клянусь! – заволновался Киле, не привыкший, чтобы ему не верили. Чтоб мне в тайгу не ходить, рыбу не видеть!

В контору стройуправления Кеша порхнул тотчас же, глянул на доску объявлений – точно, не соврал Киле. В списке очередников перед сдачей нового дома первая фамилия – Кочелабов.

Три с половиной года назад надоумили Кешу записаться в очередь на жилье, а кто именно посоветовал, он и сам позабыл. Без всякой надежды на успех – слишком уж велик был список – наказывал Кеша свою фамилию в потрепанной тетради и начисто забыл про то. В быстро растущем поселке сдавали новые дома, кто-то справлял новоселье, а Кеша как поселился в комнате общежития на пять коек, так и прикипел к ее нехитрому холостяцкому укладу. И вдруг – на тебе: отдельная квартира с удобствами!

Еще не уверовав в такое чудо, Кеша заглянул к секретарше: нет ли на стройке другого работника по фамилии Кочелабов. Другого не оказалось.

Кеша вышел из управления, посверкал глазами на стоявшую у подъезда задумчивую тетку с рюкзаком и доверительно выдохнул:

– Черти че!

– Кого? – недоверчиво переспросила женщина.

– Номер первый – во! Это ж, знаешь что, ехор-мохор?.. Ничего ты не знаешь! Эх-ма, да я же нынче!..

На всякий случай тетка побереглась, шагнув в сторону.

В тот час что-то неуловимо сдвинулось в отношении бригады к Кочелабову. Даже подначивали его не то, чтобы уважительно, но с этакой многозначительной миной на лице. Кому не известно – просто так на стройке квартирами не разбрасываются, ее заслужить надо. В бригаде только Лясота да неразлучный напарник его Тучков прочно обосновались в одном из первых кирпичных домов поселка. Теперь вот Кочелабов. Получит квартиру в панельном, женится, закончит курсы варщиков целлюлозы, на которые пока ходит учиться с явной ленцой, станет дипломированным специалистом...

– Кончай ночевать! – распорядился Лясота, поднявшись с насиженной березовой чурки.

Задвигались несуетно, зачавкала под ногами податливая глина. А в голосах еще жило возбуждение: заботится, стало быть, о них четко продуманная система – они здесь таскают арматуру, крутят проволоки, варят стыки, травят анекдоты на перекурах, а она срабатывает в назначенный срок, и – на тебе: со всеми удобствами! Обалдеть!

Расположение свое к парням Шурка демонстрирует без утайки: положила руку на плечо – значит вошел в доверие; дала тумака – можешь рассчитывать на панибратские отношения; а уж если взяла за грудки или попробовала оттащить за ворот – считай, что стал для нее своим парнем в доску.

Притащили Шурка да Кочелабов четыре пука длинных стальных прутков – у парня в плечах заломило, но виду не подал, пошли за пятым. Вспомнил он про тот самый список, толкнул Шурку от избытка чувств, а ей только дай повод – закрутились, заколобродили возле полуприкрытых мешковиной труб парового отопления, мутузя друг дружку. Повизгивая для порядка и шадя мужское самолюбие, Шурка насадала и отмахивалась вполсилы. Пока, войдя в раж, Кеша не прижал ее к сливному крану ржавого стояка. Шурка охнула, приподняла шустряка за грудки и аккуратно посадила в ящик со стекловатой.

– Во, телка! – восхитился Кочелабов.

На том и кончили потеху. Обирая с Кешы прилипчивые стеклянные волокна, Шурка обнаружила у себя синяк на запястье и с притворной горячностью осерчала:

– Схватил как ненормальный!

– Да, тебя ухватишь, как же!

Милы шуркиному сердцу и такие намеки. Она легонько турнула локтем Кочелабова:

– Вот в детстве я никому спуску не давала, мальчишек оттаскаю будь-будь!

– Шла бы ты за своего агронома, да и боролась с ним сколько душе угодно.

– Ой, мамочки, не могу! Нужна мне эта оглобля! Только разные умные слова умеет говорить, больше ничего.

– На руках бы тебя носил.

Шурка прыснула, представив такое зрелище:

– Да он же за руку боится взяться, не то что...

– Неужто и не поцеловал ни разу?

– В ухо. Ха-а! И то чуть не умер от страху.

– Во фраер!

– Да, как-то выскочило у меня такое, а он говорит: фраер не плохое слово. По-немецки это «жених» от «фрайе» – свободный человек. Представляешь?

Кочелабов не ответил. Замерев, всматривался он в глубокий след чьей-то ноги, где трепыхался серый комочек.

Когда Кеша осторожно достал из ямки мокрого взъерошенного воробья, тот едва пристал на ладони и повалился на бок.

– Э-э, браток, да ты продрог весь. Эк тебя угораздило? От кобчика что ли спасался?.. Шурик, найди-ка ветошь помягче.

Кеша сноровисто спеленал тельце сухим тряпьем, из которого торчала лишь взъерошенная воробьиная голова, и почувствовал, как благодарно притихла под его пальцами птаха.

В обеденный перерыв Кеша накрошил подопечному хлебных крошек, но тот подношение не принял. Сидя на краю бетонного перекрытия, воробей дремотно покачивался.

– Чив! – решил взбодрить своего питомца Кочелабов. Очень похоже у него получилось.

Воробей приоткрыл глаза и опять задремал.

– Квелый совсем, бедолага, – заключил Кочелабов. Ничо, оклемаешься, помереть не дадим.

Шурка принесла из буфета пряников и две бутылки лимонада, для себя и для Кешы – вот тебе и обед. Умяв приношение, вовсе взбодрился Кеша, а уж после того, как спросила Шурка, и вовсе глазами засверкал:

– Мебель-то какую поставишь?

– У-у-у!.. Мне бы только ключи получить, а там, ехор-мохор, хоть на голом полу улягусь. Мне б только ордер, – всех напою вусмерть!

– Денег-то где возьмешь?

– Гроши найду. На пальто вон берег, обойдусь. Наша порода северная.

Вот и солнце показалось, приласкало сварщиков, сидящих на штабеле сосновых досок. И тотчас с бетонного карниза раздалось робкое:

– Жив!

Взъерошенная воробьиная голова, покачиваясь, тянулась к солнцу.

– Эй, ожил, да? – обрадовался Кеша.

– Жив! Жив! – увереннее раздалось сверху.

– Чирикнул и Кочелабов, по-птичьи склонив голову.

Воробей помолчал, нацелясь на спасителя темной бусиной глаза. Перетряхнул свое влохмаченное пух-перо так, что едва на ногах устоял, и зачирикал еще громче. Так они и повели вдвоем свою песню.

– Жив-жив-жив! Жив! – дуря и захлебываясь от счастья, славил жизнь воробей.

То скворушкой, то дроздом вторил ему Кочелабов, засвистел, зачоркал, застрекотал, багровея лицом и вдохновенно посверкивая глазами. Уже замолчал воробей, ошеломленный лавиной Кешиных звуков, уже перестала удивляться такому концерту Шурка, а Кочелабов все вспоминал забытые с детства трели, хмелея от их переливов.

Страхнув крошки с коленей, Лясота степенно произнес:

– Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.

И верно – вороном каркнул.

Серенький болоньевый плащ председателя постройкома Безуглова обозначился вскоре на фоне маслянисто-желтой вскопанной глины. Вышагивал Безуглов, не торопясь, вроде в раздумье, но куда попало ноги не ставил, чертолом не перескакивал – обходил.

– Кочелабов, твое начальство идет, ключами от квартиры брякает.

Соловьем-разбойником выскочил из-за опалубки Кеша, загородил дорогу профоргу.

– Ты что... с цепи сорвался? – весело спросил Безуглов. Был он на голову выше Кочелабова, крепок в плечах и широкоскул. Этим летом Серега еще таскался с вибратором по дощатым настилам, работал бетонщиком, слыл рубахой-парнем, а нынче – полномочный представитель рабочего класса, так и на лице написано. Болонья на нем чистенькая и сапоги не заляпаны грязью.

– Тут сорвешься, туда его растуда, – в тон профоргу подхватил Кочелабов. Квартиру вот...

Само собой, задымил в бригаде перекур. Всем интересно было знать, что положено получить Кочелабову по закону и сколь скоро осчастливят его.

– Если документы быстро сдашь, на той неделе ордер получишь.

– Да я, ехор-мохор, хоть завтра!

– Давай-давай! Дом – игрушка. Главное, что вид на Амур и гастроном на первом этаже.

Не хватило – можно прямо на босу ногу...

Вокруг одобрительно гоготнули.

– И горячая вода? – уточнил Кеша.

– Как в лучших домах Парижа... Семья-то у тебя большая?

Враз стало слышно, как сочится из-за бетонных колонн сипловатое шипение газосварки.

– Какая семья?... – потерянно отозвался Кочелабов. Один я.

Безуглов присвистнул и посмотрел сверху вниз так, словно Кеша уменьшился вдвое.

– Ну и что?... Ну и что, что один?... Значит, не человек?!

– Кхе, полчеловека, – сострил Безуглов. Никто не засмеялся на этот раз, только круг стал потесней.

– А очередь?... Четыре года стоял и псу под хвост очередь, да?

– погоди. браток, – посунулся вздернутым плечом Лясота. погоди, говорю, слышь?..

Выходит, когда вкалывать надо, то все мы человеки. А как жильё получать – половинки?... Ты спроси меня, как он работает – Кочелабов, скажу: в любой работе безотказен. Пойди-ка посчитай, много ли у нас таких, кто по четвертому году в одной бригаде работает?..

– Юридически не имеете права, – вступился Геныч. Если мне память не изменяет...

В этом гаме лишь один человек оставался невозмутим. Он стоял, сунув руки в карманы серенькой болоньи, и с интересом поглядывал по сторонам. Напрасно кое-кто думал, что профоргу нечего сказать. Дождавшись, когда голоса поутихли, Безуглов по-школярски поднял руку, прося слова.

Спокойно, как отвечают хорошо выученный урок, он объяснил, что есть в той очереди всякие люди: и семейные с детьми, и молодожены, живущие врозь. Так кому профсоюз должен отдать предпочтение – им или холостому парню?... Вот если бы, скажем, была у Кочелабова невеста – другое дело. В порядке исключения, случалось, откладывали ордерочек до свадьбы.

Молчавший доселе Влас подал голос:

– Чуешь, Кеша, невесту треба.

– Да ну! – что-то сломалось в Кочелабове: не рвался он больше ни доказывать, ни спрашивать ни о чем, будто разом смирился с неизбежным. Только в сузившихся глазах шла отстраненная от всех, ему одному ведомая работа.

– А чего ты?.. Или не мужик? – весело поддержал Власа Безуглов. – Доведись мне сейчас – да в два счета... столько девок вокруг.

– Да, в такую квартиру небось и Ковязину дочку можно сагитировать, – рассудил Тучков, даже не улыбнувшись своей остроте.

Самый старший в бригаде, лысоватый, неохватный в поясе Ковязин давно уже жил бобылем, но о дочке своей, работавшей счетоводом в Благовещенске, заботился постоянно и более всего переживал, что заневестилась кровиночка.

– Вот когда у тебя такая дочка вырастет, тогда поговорим, – огрызнулся Ковязин, отыскивая колючим взглядом Тучкова. Но тот уже потерял интерес к беседе. О чем-то бригадиру на ухо зашептал.

– Не слушай ты их, жеребцов, Кеша, – грустно сказала Шурка и пошла крутить свои проволочки.

Прескверное настроение было у Кочелабова, когда шел он утром на стройку в обкорнанной телогрейке: снизу дует, сзади пола так топорщится, что впору пощупать – не хвост ли вырос. Мнилось Кеше, что каждый встречный оглядывается ему вслед и ухмыляется, змей, словно в исподнем увидел Кочелабова. Шел и настраивал себя: «А-а, плевать! Не на концерт иду, на черную работу, пусть что хотят, то и болтают. Плевать!» А на душе поскребывали кошки. И никакого бодрячка не получилось, когда явился в бригаду. Впрочем, и посмеялись над ним немного, и посочувствовали вполне. Но день все равно казался безнадежно испорченным. Все застила собой проклятая телогрейка, весь свет.

Много ли времени прошло с той поры – три, четыре часа? А уж вовсе забыл Кочелабов, во что одет. Вот как повернулось все вдруг. И обалдеть успел от радости, и снова в тоску-кручинушку кинуло его, летел он туда, летел – дна не видать, и с тех глубин утренние неприятности были едва различимы. Телогрейку при случае и поменять можно, умаслив кладовщицу. А вот общежитскую койку на квартиру с удобствами – попробуй-ка поменяй!.. Представить только – вдруг оказаться в своей, отгороженной от всего белого света комнате. Приди хоть в ночь, хоть в полночь – не покосится на тебя вахтерша, не матюкнется со сна разбуженный сосед, а поутру дежурные с санпроверкой не постучат, чтоб пальцам пошарить за тумбочкой – нет ли пыли на радиаторе...

Отчетливо вообразил Кочелабов, как встает спозаранку в своей отдельной, с видом на Амур, потягиваясь, идет к окну, а из-за пепельно-сизых, исполосованных туманами сопков выпячивается солнце. Выкатывается огненным колесом, бликуя в юрких змейках проток, в полноводной, неоглядной стремнине, от одного взгляда на которую обмирает и просится куда-то душа.

Не дал Кочелабов разгуляться вволю воображению своему. Приструнил его малость, повинувшись мужицкой, дедами и пращурами нажитой осторожностью: мало ли как оно все еще обернется. И правы, правы оказались пращуры. Не жизнь, а жистянка, как любил говорить Геныч, когда у него что-то не ладилось. «Слышь, Кеша, невесту треба!»

Как не слышать, не глухой. Только в магазине ее не купишь, в поле, как ягоду, не найдешь. Верно, много ходит девчонок по поселку, да попробуй угадай, которая твоя. Уж не однажды казалось Кочелабову – вот наконец-то нашел свою суженую, да все осечки случались. Не сказать, что привередничал в своем выборе Кочелабов, всего-то и хотел, чтобы сердцу была мила его жена, верна и характером не занудна... Ну, работающая, само собой. Да умом понимать одно, а в жизни расклад совсем иной выпадает, так что, расставшись, не вдруг и поймешь, то ли счастье свое упустил, то ли напасть, будь она неладна, миновала.

Лет десять назад случилось с ним то, о чем не раз потом вспоминал и по-разному домысливал: а что, если...

Глава 2

Ловко познакомился он в тот раз. Только сошла с парохода девчонка, круглолицая, сероглазая, на носу насыпаны конопушки, только растерянно оглядела занесенные песком сараи на берегу, а Кеша тут как тут, словно именно ее и поджидал, глаза на приезжих:

– Что, не встретил никто, да?

– А я и телеграммы не давала.

– Ну, значит, я встретил.

И девчонка совсем не удивилась Кешиней невесте откуда взявшейся расторопности – он сам, пожалуй, больше подивился себе. Поморгала реденькими ресницами – глаза у девчонки светлые – светлые, словно всю ее за ними видать, – и протянула свой фибровый, с потертыми боками чемоданчик, такой легкий, что Кеша даже подосадовал: ему бы сейчас рюкзак геологический на спину килограммов под тридцать, да в каждую руку по чемодану, он бы показал, на что способен.

Приезжую звали Капой. Он проводил ее на окраину поселка до самого дома ее тетки и, пока шли по дощатым, промытым дождем тротуарам, уговорил пойти вечером в кино.

Не помнил Кочелабов, как назывался тот фильм и о чем он был, но четко осталось в памяти, как пробирались они с Капой на свои места в предпоследнем ряду – дружки чуть головы не свихнули, оглядываясь на Кешу и подружку его. И она волновалась – от лица ее жаром веяло, как от печки, может тоже впервые с парнем заявила в кино. Вот и свет погас, лишь два пятна белели во всем зале – ее колени.

– Кеша, атак! – завистливо шептали сзади. Мать идет!

По всем правилам, усвоенным из рассказов парней, пора было взять Капу за руку: «Если в первый раз отнимет, все путем – начинай по второму заходу...» Он потер о штаны вдруг ставшие влажными ладони и нашарил в полутьме округлый, прикрытый кофточкой девичий локоток. Локоть она не отдернула. И он просидел так целую вечность, чувствуя, как пульсирует под тонкой материей какая-то жилка, то зачистит, то успокоится.

Пряно пахло тузлуком – раствором для засолки рыбы: двух месяцев не прошло, как переделали под клуб дощатую коробку склада. Никогда прежде Кеша не замечал, что так навязчиво разит здесь въевшимся в дерево рыбным духом; ему-то пустяки, он-то привычный...

– Ты чего? – спросила она громким шепотом – наверное, почувствовала, как знобко подрагивают его пальцы.

– Ничо, – хрипло отозвался он и по-хозяйски грубо обнял ее за плечи.

В тот вечер провожал он Капу не прямой дорогой, а берегом реки, где вязнут ноги в зыбучих грядах песка и потягивает илистой свежестью с Амура, но зато нет зевак. Боялся Кеша, что не понравится приезжей эта оголенность, и он все напирал в разговоре, какая богатая рыба гуляет здесь, как однажды едва не уволок его вместе со снастью калужонок, малолеток еще, всего килограммов на сто, но зверь...

Капа слушала его рассеянно, все косилась на дымчатую чешую облаков, скользящих по воде, вдыхая запахи бегущей реки, гниющего вдоль приплесков корья, сомлевшей за день хвои кедрового стланика, вытянувшего по песку свои ветви. Неинтересно ей было про рыбу, и он замолчал. Так оказалось еще лучше: идти и думать, как снова возьмет он Капу за локоть, и она не отдернет его пальцы. Почему-то здесь, наедине, Кеша чувствовал себя скованней, чем на людях: то ли не перед кем было показывать свою взрослость, то ли просто робел при свете не угасшей еще зари.

– Ой!.. Подожди-ка. – цепко ухватившись за Кешино плечо, Капа сдернула с себя туфлю, постучала по подошве – выкатился оттуда камешек. Сняла и вторую туфлю, пошевелила бледными пальцами ног, блаженно утопила их в мелком, не остывшем за день песке.

– Умереть можно, как хорошо.

Что-то екнуло в Кеше от этого доверчивого шепоточка, накатило волной.

– А-а, ехор-мохор! Кипит мое молоко на примусе! – крикнул он с дурашливой хрипотцой, махнул что было мочи правой, левой ногой, и один сапог, кувыркнувшись, улетел в хилую поросль кедрового стланика, а другой плашмя угодил в реку, хрюкнул, воды в себя засосал.

Пока Кеша доставал сапог, весело и сладко ругаясь, Капа насмеялась до икоты. Попила из ладошки водицы, отошла, успокоилась и, присев на бугор, заглядывала на Кочелабова доверчиво и ожидающе, как Кешина мать смотрела на отца в редкие минуты примиренья. Кеша подмигнул девчонке, проскрипел луговой птицей – погоньшем, просто так, от необычной легкости во всем теле, от желания хоть как-то нарушить тишину.

Он осмелился чмокнуть Капу не то в губы, не то в нос, когда она уже взялась за калитку. Заполошная радость этой встречи словно обдала Кешу теплым весенним ливнем, взбудоражила, переполнила ликованием все его существо. Все сбылось стремительно и неправдоподобно: эта сказочная легкость самой встречи, откуда-то взявшихся слов, этот миг, когда уверовал вдруг, что понравился ей. Видит бог, вовсе не собирался поспешать Кочелабов. Если бы не опасение, что завтра парни спросят с поддевичкой: «Ну как, небось даже не поцеловал ни разу?» – ни за что на свете Кеша не стал бы тыкаться носом в конопушки. Сказал бы спасибо за вечер – не было такого во всей его коротенькой жизни – пожелал бы на прощание что-нибудь хорошее и помчал-полетел домой по гулким доскам тротуара, пока мать совсем не извелась, его дожидаячи. Но не хотелось врать Кочелабову. Правду скажешь – на смех подымут: «Ухажер, сопля зеленая.»

...Ничего, кроме дрожи в коленях, не испытав, Кеша отпрянул от остренького, такого холодного ее носа и услышал смех, тихий, однако совсем не похожий на тот, горячечный, полупридушенный, который недавно докатился с островочка по тихой воде. И до сих пор помнится, как жаром обдало тогда все тело.

– Не целовался, что ли, ни разу?

– Я-то? – ошеломленно переспросил Кеша и торопливо соврал: – Целовался.

– Вида-ать.

– А ты ...целовалась?

Она засмеялась еще тише, как будто что-то свое, потаенное, вспомнив.

«Поди, не только целовалась. Вон как садит в открытую, – всплыла догадка. А он-то, дурачок... А он-то, дурачок...»

Не обнял – облапил, притиснул к забору ее тонкое в поясе, возмутившееся насилию тело, то ли губами, то ли носом ткнулся в ее скривившийся рот.

– Зачем же так-то? – с болью сказала она, вырвавшись и вытирая рукавом губы. Неужто по-хорошему нельзя?

«Значит, все-таки можно!»

– Ты меня это... прости, Капа. Совсем мозги набекрень... – с придыханием выпалил он, воровски оглядываясь на одинокий фонарь у последнего дома, на блеклые отсветы в спящих окнах.

От реки доносились гулкие всплески – шлепал плицами полуночный буксир. Перебредивались собаки на дальней окраине. Горьковатой свежестью исходили кусты смородины.

Уходить собиралась Капа, он твердил: «Погоди». Говорил «Погуляем еще...» «Завтра»... «У меня лодка есть...» «Завтра»... «А на том берегу малины...» «Все завтра. Утром в девять, на берегу.»

Ночью снилось Кочелабову, как бродят они с Капой в обнимку. Жаркое солнце печет, и кружит, дурманит голову разомлевший малинник. Вроде бы полдень уже, а на ворсинках, что пробиваются между пупырышками ягод, осели капли росы: и дрожат, и дразнят взгляд переливами, прохладу сулят и сладость... Только ртом ловить такой фарт да губами давить

его, языком. Но никак не дается малина – лишь наклонится Кеша над огрузневшей от тяжести веткой, рот раскроет, а ягоды уже нет. И смеется, заливаясь Капа: очень нравится ей такая игра. «Погоди же!..» Схватил за ветку, а она гибка и послушна, и не ягоды вовсе, а губы ее в росе. Вот где сладость-то настоящая... гнется, гибкая, а не сломать... «Ну зачем же так-то?.. Неужели нельзя по-хорошему?»

Опахнуло жаром – проснулся. Темень, душно, от запаха прелой овчины свербит в ноздрях. За дощатой перегородкой гыркает во сне отец – видно, опять с перепоя. Поднял Кеша полусброшенное суконное одеяло, натянул на мосластые, опаленные загаром плечи и до рассвета вспоминал, как шпыняли их взглядами в клубе, как осторожно пробовала она босыми пальцами воду, как шептала: «Ой, ну какой же ты беспонятливый – завтра...»

«Значит, уже сегодня, в девять, на берегу.»

За завтраком мать спросила, не захворал ли, и тотчас добавила с понятливым прищуром, что знает она эту хворь. И отчего ноги приплясывают под столом, как у стоялого жеребца, а ложка не лезет рот – все знает. Да напрасно наострился прокатить кое-кого на лодочке. С порчей девчоночка-то, с болезнью заразной. Одно слово – портовая.

– Врешь! – выкрикнул Кеша и уже тише повторил: – Врешь ведь, – чувствуя, как против воли заползает в душу сомнение: откуда ж про лодочку – то вызнала спозаранку. Ведь только он и она сговаривались. Неужто такая трепушка?

– Ну, если матери родной не веришь, походи людей спроси. Бабы болтать зря не станут.

– Так я им и поверил.

– Ступай, ступай, ей поверь!

У Кешиной матери рано усохло лицо. Только глаза еще не успели постареть, зорко обжигая всех нутряным истемна-серым блеском. Малолетками схоронила двух Кешиных братьев – вон какими мужиками были б сейчас! Он последыш, и все внимание ему. Да сколько помнит себя, не рад был Кеша такому вниманию, только и слышал: «Гляди, осторожней!», того не делай, туда не ступи... Искупаться пойти, и то со скандалом: «Гляди, не утони!»

Отец – тот совсем по-другому: веселый бывал и уступчивый, когда приходил с рыбобазы трезвый, чуть сутулясь. Но такие дни выпадали редко – то дымоход попросят прочистить, то мотоцикл у соседа забарахлит... За все услуги подносили мастеру водки.

– Баламут он и есть баламут, – частенько ругалась мать на отца. Ты вот, Кешка, гляди, таким не расти: последнюю рубаху с себя готов отдать, да и та в латках.

Пьяного встречала и вовсе плохо:

– Явился, тунеядца кусок! Хоть бы сдох поскорей, жилы из меня не тянул!

– Продолжительные аплодисменты, – комментировал отец, вскидывая голову и стараясь держаться прямо.

– Вот щас как тресну по башке, так сразу прочухаешься!

– Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают... и уходят...

Кочелабов больше любил отца. Но и мать понимал, как тяжело ей концы с концами сводить. Потому и в вечернюю перешел после восьмого класса, а с утра прирабатывал в бондарке. Он и в то утро должен был в бондарку идти.

– ...Ступай, ступай, она тебя наградит...

Тяжело, по-отцовски поднявшись из-за стола, Кеша толкнулся в дверь. Ноги сами понесли его в сарай, где томились в углу измочаленные по закромке лопастей, но еще надежные весла.

Все было так, как представлял себе Кеша, ворочаясь в удушливой тьме. Ясной и безветренной выдалась эта рань. Росистыми брызгами сверкнули травы, когда выбрался он к Амуру. По темной сияющей его глади скользили, наплывали на берег редкие облака. Постояв в оце-

пенении, Кеша нашарил в кармане с вечера припасенный ключ, освободил захлестнутую за бревно цепь, столкнул на воду лодку...

Все шло, как задумано было. Только солнце еще стояло низко и никто не смотрел на Кешу с кормы благодарными сияющими глазами.

Греб он резко, остервенело, в никуда, подальше от берега, чувствуя тугую влекущую силу течения, и выкладывался так, как на лыжне, когда тебя обходит соперник. А на душе не легчало. И бестолково стучало в висках на разные лады: «Ступай, ступай, она тебя наградит!»

«За что?.. Неужто утаила бы, зная?..»

Взвизгнуло над ухом, процарапало по борту, как по сердцу лапой, закачалось за кормой алым Ванькою-встанькою. Бакен задел, туда его в крестец!

Огляделся – вот и берег другой, весь в курчавой поросли подлеска. Вон и отлогая излучина – в самый раз притулиться там на дощанике.

Бросил весла, откинулся на корму, закрыв глаза. Закачала, забаякала река, понесла неслышно, неторопко...

«Как же верить после этого людям, если так открыто улыбалась девчонка, так доверчиво прижималась плечом, а сама... «Не целовался, видно, ни разу.» Вишь, чему посмеялась! А сама напрямик не ответила. Он вспомнил словечко грязное и вроде бы уместное, но отчего-то не приставало оно ни к светлой серости ее глаз, ни к перекошенному сопротивлением рту, ни к нежной россыпи конопушек... «А ты целовалась?»... Вот-вот, потому и ответила смешочком, что мальчишка он перед ней, лопухий, нецелованный. Знать, улыбка ее – обман и противилась так – дразня. Как же после этого верить?..»

Словно в люльке, мягко и бережно баюкала Кочелабова река, сплавляла лодку все дальше, к морю, и не было опаски, что слишком далеко унесет – пусть тащит, хоть вовсе перевернет дощаник вверх дном – ни себя, ни лодки не жалко.

С той поры, как стал бондарить Кочелабов, принося домой хоть и небольшие пока, но своим трудом заработанные деньги, заметно ослабла материнская опека. Правда, все равно, в самый разгар гулянки, когда за последними домами поселка, на вытоптанном до белизны глиняном пяточке толклись под гармонь и взрослые парни с девками, и тонконогая мелкота, когда и Кеша на пару с кем-нибудь из дружков дергался и кривлялся, стараясь небреженьем своим показать, сколь наплевать ему на девчонок, нет-нет да раздавалось вдруг, как палкой по голове: «Кеша, атас!»

Оглянется Кеша – и верно, мамаша с горки спускается. Встанет поодаль, у мосточка, затаит потуже у подбородка темный платок и сверкает глазами – кабы не подрались опять. И какая бы развеселая гулянка ни колобродила, для Кочелабова с этой минуты все меркло, и стыдно было за материнский догляд, и горько на душе за испорченное веселье.

Потом мать обычно оправдывалась виновато: «Я тут вот мимо проходила, дай, думаю, на молодых погляжу.» А какое «мимо», какое «мимо», когда за пяточком одни корявые ели сутулятся.

И все же свободней, раскованней почувствовал себя Кочелабов с тех пор, как пошел работать, а вскоре и школу вечернюю забросил. Хоть ростом так и остался «метр с кепкой», но плечи развернулись и руки огрубели, как у заправского мастерового, и походка стала размашистой, как у отца. Смутное, требующее выхода беспокойство, до поры до времени дремавшее в Кочелабове, пробудилось вдруг в нем. Оно кидало Кешу то в беспричинную хандру, то в безоглядную лихость. Прыгнул тогда Кочелабов на спор с высокого обрыва в воду, да так, что потом едва выкарабкался на берег, кровью харкал и долго мерещилось ему, что отбил все нутро. Но живуч оказался, отпоила мать каким-то зельем.

То же беспокойство вынесло Кочелабова в урочный час к дебаркадеру, заставило наговаривать незнакомой девчонке разные слова, и вот чем все обернулось...

Качалась лодка, плыла над ней пронизанная белесыми прядями голубизна неба, и, глядя в бездну ее, Кочелабов впервые, как ему показалось, понял мать с ее вечной тревогой за его жизнь, с напряженным ожиданием чего-то неотвратимого, как назначенного свыше рока.

«Такие уж мы с тобой невезучие», – по всякому пустячному поводу любила приговаривать мать, словно сознательно приbedняясь перед кем-то, и Кеша привык к этим словам, как к ничего не значащей присказке. Но была у той присказки своя история.

Осенью сорок первого, когда отец залечивал раны в прифронтовом госпитале, а мать, совсем молоденькой, управлялась с тремя несмышленишками, очень набивался к ней в доброты этакий мышинный жеребчик – уполномоченный рыбтреста. Видели соседи, как однажды гнала мать того субчика с поленом в руке от крыльца дома до самой реки и клялась потом бабам, что ничего промеж ними не было. Но в самую распутицу умер от сыпняка старший из сыновей, мать отнесла за околицу легкий, сколоченный из тарной дощечки гробик. А в сорок пятом той же дорогой отец унес среднего сына, проглотившего ржавую солдатскую пуговицу. Бабы по-своему истолковали эту напасть: неспроста навалилась она на Кочелабиху, значит, был грех. Вот и детей больше рожать не может.

Под тем негласным приговором и растила мать остатнего сына – Кешу, крепко уверовав в наговоры, в дурной глаз и прочие худые приметы. Старалась приучить к ним и сына: «Ты со стола-то бумагой не скреби – денег не будет». «А чего опять на себе пуговицу пришивашь? Всю память зашьешь!»

Кеша старался не перечить матери по пустякам, у нее и с отцом переживаний хватает, а втихаря все делал по-своему: ему ли, молодому да здоровому размышлять о грозящих напастях. И лишь на лодке, глядя в расшитую прядями облаков бездну, Кочелабов впервые подумал: «А, может быть, и в самом деле, как говорит мать: «Чему быть, того не миновать?» И кто знает, к лучшему все клонится или к худшему?..

За широкой излучиной, за неоглядным медлительным плесом почудился Кочелабову голос – словно позвала его Капа, да так растерянно, что вздрогнул и оглянулся – не наяву ли?

Все так же немо плавилась в утреннем сиянье река, горбатились крутояры по правому берегу, тянулась кочковатая низина по левому... И чувство времени, совсем покинувшее его, вдруг обернулось таким звенящим беспокойством, что прервалось дыхание.

Часов у Кочелабова не было, но, судя по тому, как начало припекать солнце, времени минуло немало: может час, а может и больше качала его река. Вон куда уволокла – чуть не до другого конца Медвежьей протоки.

«Не успеть! Не успеть к тому сроку в Степановку, даже если натужиться... Как же так. Ведь придет Капа, станет толочься возле лодок у всех на виду.» Он вообразил себе пересуды полощущих белье баб, ленивые усмешки ожидающих катера парней и, страдальчески покривившись, схватился за весла.

С первыми гребками против течения зазвучало в Кеше едва внятно, но с каждым гребком явственней и сильней: «Нет, гадство этокое, не выйдет!» Всем силам наперекор, что корежили его сегодня с утра, пригиная голову вниз и внушая, как слаб и ничтожен он перед прихотью жизни, в пику всему непонятному, невидимому, во что не ударишь кулаком, цедил он сквозь зубы, ожесточась: «Ну, гадство этокое, держись!» И с этими невесть кому адресованными словами слабенькая надежда, что, может быть, бабы врут, воспрянула в нем, выпрямилась и замятерела: «Конечно же врут, из зависти!.. А он вот не верит им всем, пусть хоть в сто глоток орут: „Портовая!“ Пусть заорутся: „Порченная, заразная!“ А он вот не верит, и все. Шабаш! Не на того напали! Сам себе голова!»

Кеша гнал лодку рывками, стараясь держаться левого берега, где течение послабей. И ходко у него получалось. Он даже успокоился ненадолго, пока излучина не стала уводить его в сторону.

Попятился за корму расцветенный кувшинками плес – начало Медвежьей протоки, когда в изгибах ее родилось тонкое зуденье мотора. Кто-то возвращался с рыбалки, скорее всего из местных. Вот это было б везенье! На моторе домчаться до дебаркадера – пятиминутное дело. Кочелабов даже грести перестал, вглядываясь, как проблескивает за тальниками искромётный бурун.

Описав последнюю дугу, дюралева «казанка» вырвалась на простор реки, но Кеша так и не крикнул застоявшееся в груди: «Эй, на лодке!» Зажав под мышкой рукоять руля, на корме глотал из бутылки молоко цыгановатый чернобородый дед Гуров.

...Когда учился Кеша не то в пятом, не то в шестом классе, росла в огороде деда Гурова удивительно сладкая морковь коротель. Может, особую сладость придавало ей то, что караулил дед свой огород зорко и грозил всмалить в зад солью любому, кого застанет на грядках. Росло той моркови тьма тьмушая – куда ее столько деду с болезной своей бабкой?..

Однажды в сумерках, пропахших влажной растоптанной ботвой, Кеша с дружкой своим Лешкой Дятловым решили облегчить деда от тяжкой работы – вытаскивать морковь. Они успели набрать по здоровому пуку коротели, когда дверь в доме распахнулась и сильнее грома лягнул затвор берданы. Через корявую изгородь они не перелезли – перелетели, только треснуло, хрястнуло что-то да раскатисто жажнуло сзади. А вдогонку дед еще и по именам их окрестил, да матерков насовал полные пазухи.

Остужая в себе мелкую паскудную дрожь, они разглядывали потом в блеклых отсветах рыбоцеха ссадины и ушибы и решили, что им здорово повезло: не зацепило ни солью, ни, может быть, даже дробью – от такого куркуля всего ожидать можно. Не случайно ходит слух, что служил он у немцев полицаем. Одно скверно – что он их по именам...

Плоскодонная дюралева «казанка» промчалась с дымком недалеко от Кочелабова. Качнула лодку волна. Развернувшись встречь ее, Кеша яростно гребанул наискось Амура к дальней загогулине мыса, за которой скрывался поселок.

Река упреждающе крутанула дощаник на изломе темнеющей глубины и понесла, но не так, как недавно, баюкая и укачивая, а с хваткой настырностью увлекая его вспять, так что не только пальцами рук, а икрами ног, напрягшейся шеей, каждой мышцей Кеша почувствовал нарастающую силу стремнины.

У самого мыса, когда Кочелабов с потягом заводил весла ослабевшими руками, а близкий берег пятился стороной едва-едва, выскользнула спасительная мысль: вытащить лодку на ближайший приплесок, подальше от уреза воды и бегом...

Он так и сделал. До последнего изгиба тропы, с которого открывался весь поселок, Кочелабов верил, что торопится не напрасно. Даже окинув взглядом пустой, захлестнутый песками берег, оставил жить надежду: «Может, притулилась где на дебаркадере, подальше от сторонних глаз?..»

От стальной обшивки плавучей пристани уже наносило жарким мазутным духом. У самых сходней, враскорячку устроившись между стянутых канатами бревен, чистил рыбу хозяин причала – дед Гуров. Он доглядел, как обрыскал весь дебаркадер запыхавшийся Кочелабов, и назидательно просипел:

- Что, ухажер, улетела птичка?.. Спать надо помене, милка моя!
- В натуре была? – замер Кеша.
- Была да сплыла.

С тех пор много воды пронес Амур мимо Степановки. Давно уже сгорел пропахший тузлуком клуб, где обнимался впервые Кеша, и проржавевший дебаркадер давно порезали на металлолом, а в мыслях нет-нет да возвращался Кеша к сумятице того утра: а что, если б... Как ни убеждала потом мать, что вовсе неприглядна девчонка: «И посмотреть то не на что, прости Господи.», как ни оправдывала баб за скороспелый наговор – в ту же осень сыграли

в соседнем лесхозе Капину свадьбу, – не простил Кочелабов матери тех горьких сомнений в правоте своего сердца, которые остались в нем на всю жизнь, как ожог.

– Один ведь ты у меня, сынок, как не остеречь, – все приговаривала мать. И жалко было ее оставлять с медленно спивающимся отцом, и вовсе тесно, безрадостно стало в родительском доме. Как праздника ждал он срока, когда призовут в армию. А из армии, и месяца в Степановке не пробыв, – сразу на стройку.

Глава 3

Со вчерашнего дня, когда начали вязать каркас, мозолил глаза Кочелабову один и тот же плакат. Чуть голову вправо повернешь, тут как тут, на столбе красным по белому: «ТОВАРИЩИ РАЦИОНАЛИЗАТОРЫ, НАПРАВЛЯЙТЕ СВОИ МЫСЛИ ПО ЛИНИИ РЕШЕНИЯ УЗЛОВЫХ...»

Низ нарисованного от руки плаката оторван, но и без него ясно: нечего, мол, о всяких глупостях думать, надо мозгами шевелить на пользу общему делу.

Вчера Кеша еще пытался представить себя рационализатором. Если бы подошли к нему и спросили: «Как вы считаете, товарищ Кочелабов, что нужно сделать на вашем участке, чтобы работа шла более споро?» Он бы ответил сразу, не задумываясь: «Перво-наперво мастера нужно поменять, а то он в коленках слабоват. У кого горло луженое, тот лучшую работу и забирает, а кто поскромнее или не потрафил чем, как наш Лясота, тому – что останется. Вот и бегают они всей бригадой, как борзые: позавчера кинулись опалубку разбирать, со вчерашнего дня сетку вяжут, а завтра пошлют землю копать – и пойдут, куда денутся...»

Мозолит плакат глаза Кочелабову, но уже не так, как вчера. Минет еще день, и вовсе смирится с ним Кеша, как с упреждающей надписью на емкостях кислотного цеха: «Осторожно, радиоактивно!», от которых лишь первое время с испугом шарахались новички.

Рядом с Кочелабовым ни шатко ни валко вяжет сетку Влас. Сладко зажмурясь, почешет крючком округлую спину, направо голову повернет:

– Ты, Шурка, долго в невестах не ходи, а то засохнешь на корню, как Кеша. Вишь, и жениться уже не хочет, вся женилка кончилась.

Что ни день, один и тот же разговор, одни и те же заботы о Шуркиной судьбе. И нравится ей такое внимание и досадно за разные подковырки:

– Ох и нахал ты, Влас! Да если хочешь знать, за Кешу любая девчонка пойдет, не то, что за тебя, обормота!

– Вот и умнесенька девочка, вот и иди за него, комсомольскую свадьбу справим, стиральную машину подарим.

– Обойдемся без подсказчиков, – хмурится Шурка.

– Не-е, что ни говори, хорошая была бы у вас семья. Ты бы его от хулиганов защищала. Он бы тебя на руках носил... с кем-нибудь на пару.

– Ох и Волос!.. Волосан несчастный! Думаешь, высоко забрался, так и не добраться до тебя?

– Нервная ты стала, Шурка. Первый признак, что в личной жизни неустроенность.

Не поленилась Шурка, спустилась вниз, торкнула ногой по соседней стремянке, да так, что юзом она пошла по раскисшей глине.

– Эй! – цепко ухватился за решетку Влас. Не дури!

Всем весело стало. Советчики сразу объявились:

– Двадцаткой его, трепача, двадцаткой!

– По шее его, Шуренок, вишь шею какую наел!

Шурка толкнула стремянку еще разок, для острастки, и Влас с нарочитым на этот раз испугом проверещал:

– Ой, мамочки!.. Вот никто правды не уважает!

На том все и кончилось.

В другую пору Кочелабов наверняка ввязался бы в эту свару, коль зацепили его. А тут послушал вполуха, не прерывая работы, презрительно цвикнул на землю через выбитый зуб и снова замкнулся в свои мысли. Не так уж много было тех мыслей, все крутились вокруг одного: если б в самом деле решил жениться, кого бы он выбрал тут, на стройке?

Правила здешними девчонками какая-то настоуживающая Кочелабова поспешность, с которой они жили так, словно наверстывали упущенное некогда матерями, а то и бабушками. Приглядеться к новеньким не успеешь – уже иные девчонки вокруг: та уехала искать счастья в другие места, эта в загсе успела расписаться и в декретный ушла... Не любили девчонки задерживаться в общежитии, где так привольно чувствовал себя Кочелабов.

В Степановке тоже знали таких торопливых. Случалось, присылали сюда на лето сезонниц, шумливых и робких, растерянных и нахальных, безалаберных и готовых работать от зари до зари... Отношение к ним у местных было снисходительным, как к мужикам-летунам, своего места на земле не имеющим и потому не надежным в жизни. Погулять парням с такими залетками считалось вроде как баловством, хоть были случаи, женились на сезонницах и удачно.

Кешу сезонницы отпугивали той самой понятной каждому торопливостью: срок договора короткий, как летняя ночь; закончится путина – и по домам. Но та же легкость знакомств, потопливаемая этим сроком, и притягивала Кочелабова, и дразнила. И, что греха таить, вкусил он от нее, только уже здесь, на стройке.

В те скоротечные, будто сворованные у судьбы дни, держался Кеша таким фертом, ходил только что не подбоченясь, расхлестывая грязь резиновыми сапогами. И смеялся заливистой всех, и от шуток отбивался находчиво. Фартовый человек – ни дать, ни взять. А всего-то скоротали ночь в старом, пропахшем кислой капустой сарае.

В одну из тех октябрьских, знобких уже ночей Кочелабов укрыл озябшую подружку курткой со своего плеча и хорохорился до рассвета в фланелевой рубашке: «Мы народ северный...» На следующий день «тростиночка Зоя» объяснялась с потерявшими ее подружками задубевшим баском, а Кочелабов, отоспавшись, почувствовал неприятное жжение пониже поясицы. Смена предстояла вечерняя, и на работу Кочелабов явился, широко расставляя ноги, словно боясь упасть.

– Что, штормит, Кочелабов? – буркнул, завидя его Лясота. И это была самая невинная из подначек, которые огреб Кеша, пока созревали на теле его два добротных фурункула.

Больше всего Кочелабов боялся в эти дни попасться на глаза своей тростиночке, а она истолковала такую опаску по-своему. Легко и беспечно сблизилась она – легко разбежались. Осталась в душе Кеши от тех встреч этакая грустная приятность. Если б снова пришлось скоротать с Зоей ночь на берегу, пожалуй, рискнул бы снова отдать ей куртку Кочелабов. А в жены не взял бы – нет.

Еще с той поры, когда оправдывалась мать за вздорный свой наговор на девчонку, осели в памяти Кочелабова ее слова:

– Отец твой однолюб, и ты таким будешь, на слово поверь. Так что сам смекай – куда встрянешь, там и останешься.

Глухо сказала мать, словно вещунья. И так не по душе пришлись Кочелабову ее слова, что постарался он напрочь забыть о них. Но стоило лишь разбежаться с тростиночкой – и вспомнилось тотчас с радостной облегченностью: знать, не права оказалась мать. Вот и всерьез гульнул, а не присушила его зазноба.

У Власа в тот день с утра свербило в душе и голова тяжелела. Хоть шуточки и подкидывал, а нет-нет да кривились желтоватые от табака губы и что-то страдальческое угадывалось меж широких бровей: то ли не доспал, перепив накануне, то ли, наоборот, переспал, недопив. На обед не пошел, смолил у дороги сигареты, хищно поглядывая на встречающих: не попадет ли понятливый человек. Да все пустое – до аванса оставалось два дня. Голодный и злой, вскарабкался он на обрыдлую, дышащую холодом решетку и там, на высоте, войдя в привычный ритм, вроде б забылся на время.

На перекуре Влас подсел к притулившемуся возле стены Кочелабову, по-свойски облапил его за плечи:

– Не нравишься ты мне, кореш. Тонус ниже среднего, и вообще...

– Пошел ты!.. – на всякий случай огрызнулся Кочелабов, стряхнув ладонь Власа с плеча.
– Говорю, что думаю, как в школе учили... Да ты послушай... Без трепотни. Я как представлю твое положение, до того обидно становится, слов нет. Надо ж такую козу заделать: вроде как дали человеку квартиру – заслужил! И тут же обратно ее.

– А, гори она голубым огнем! И без нее жилось неплохо, – неожиданно для самого себя скороговоркой сыпанул Кочелабов. Мороки с ней – только обставляй да обихаживай.

– Эх ты! Во герой! – опешил Влас от таких откровений. Зыркнул по сторонам – кого бы призвать в свидетели столь несерьезного заявления, но лишь Геныч дремал поблизости. Значит, отказываешься от квартиры, сам?

– А что?

– Молодец! Глядишь, в газете напишут: благородный поступок Иннокентия Кочелабова... Ладно-ладно, без трепа. Из любого положения есть выход, как дяденька Суворов учил. Тамарку Плотникову знаешь?

– Ну!

– Вот подруга ее приехала, тоже из Хабаровска. Скромная такая деваха. И ростом невеличка. Могу познакомить, если желаешь, конечно.

Недоверчиво хмыкнув, Кочелабов сказал, что, если понадобится, он без сватов обойдется, да еще и сам кого надо с двчонками познакомит. Сказал так, и самому понравилось, как отшил Власа. Никогда они вместе в компании не ходили, и с чего бы вдруг этот гладыш проникся к нему сочувствием?.. К тому же настроился Кеша пойти вечером с переметом в заветное местечко.

Наверняка так бы и поступил, да погода вдруг нахмурилась. Только что солнце улыбалось сквозь наволочь облаков, и вдруг потемнело окрест, посыпалось с неба липкое сеево – ни дождь, ни туман, а так черти что и сбоку бантик, как любил выражаться Геныч. Какая уж тут рыбалка!

Дрожко стало и неприкаянно. И так подходяще, в лад настроению Кеша попали страдания Власа, который как бы про себя приборматовал по соседству:

– Руки зябнут, ноги зябнут, не пора ли нам дерябнуть?.. Нет, не пора. Сначала докрутим эти прелестные проволочки... Чтобы сердцу дать толчок, где достать нам троячок?.. Негде. Куркулями все стали, сберкнижками обзавелись. Срамота!..

«Вот же, змей, под меня клинья бьет» – осенило Кешу не вдруг. Не далее, чем вчера проболтался он, что скопил на пальто восемьдесят рублей. И не на сберкнижке, а чистоганом. Полгода скопидомничал, рубль к рублю собирал. Кто бы оценил такую выдержку?.. Да тот же Влас!.. А вот фиг ему! Пусть хоть до вечера приборматовывает, отродясь не поддавался Кеша на такие дешевые провокации

Правда, не далее, чем позавчера едва не подкузьмили Кочелабова трое парней. Он стоял возле столовой, раздумывая, не пойти ли в кино, когда рядом скрипнули тормоза и из такси высунулась голова, лобастая, приветливая, незнакомая:

– Эй, кореш, поедем в Комсомольск, четвертым будешь!

– В Комсомольск? – растерянно переспросил Кеша.

– Ну да, гульнем – и обратно с ветерком. Давай, садись! – и дверцу предупредительно ему открыли.

Лица парней так подкупающе и белозубо сверкали, а сама поездка выглядела столь неожиданным подарком судьбы, что Кеша уже посунулся к машине и замер в нерешительности:

– Д-да нет, ребята,.. не одет я... и авоська вот...

Хлопнула дверца – как не было того такси. А Кочелабов весь вечер не мог придти в себя от встряски. И в третий, и в пятый раз возбужденно рассказывал в общежитии о том, как чуть не захомутали его в Комсомольск. А на кой ляд ему этот город, скажите, пожалуйста! Это ж

надо так подкатить тихой сапой – втроем им, видите ли, дорого ехать, а он при чем?.. Ну прохвосты! Ну прохиндеи!..

Нет, не поддастся и впредь ни на какие провокации Кочелабов. Так уверял он себя, стоя на шатком помосте опалубки, откуда видно было, как вдоль изжеванной колеями дороги уже тянулись к стройке неторопливые фигурки сменщиков, и старался не думать о той, которая чуть ниже его росточком и скромная в самый раз.

Но привязчивы были слова Власа. Может, в самом деле поджидает Кешу сама судьба, а он нос в сторону воротит. И поверить хотелось в то чудо, и что-то стыдное мнилось в самом поводе такого знакомства, хотя, казалось бы, чего необычного: зайти с товарищем к девушкам скоротать время, ну просто так, по настроению.

В конце смены, как обычно, пошли поклониться черно-бурому, сваренному из железных листов бригадному ящику. Каждый бросил в чрево его крючок и рукавицы, и едва Лясота с лязгом защелкнул челюсти замка, как тотчас все заторопились кто куда.

Вроде б само собой получилось, что пошагал Кочелабов в общежитие не один, а вместе с Власом – по пути. И вроде б совсем ненароком, переодевшись, встретились они в столовой – не первый раз. И так же, не сговариваясь, завернули за угол в гастроном, где Кеша, лишь минуту помедлив, стряхнул с себя остатки сомнений.

– А-а, снова живем!

Глядя, как отсчитывает Кеша заветные рубли и трешки, Влас посочувствовал:

– Пальтишко то нужно тебе.

– А то нет! – убежденно подтвердил Кочелабов.

– Морозы скоро прижмут.

– Ну!..

– А в курточке не больно-то...

Кочелабов с расстройством лишь крикнул и покосился на Власа: всерьез он что ли завел такие речи – так ведь и отговорить человека недолго. Но Влас и сам почувствовал, что переборщил – подмигнул и зажмурился, блаженненько так, словно уже хватил стопаря и корочкой ржаной занюхал.

«Ну и артист!» – хотел восхититься Кочелабов, а буркнул:

– Ничего, куплю потом подешевле.

– Наше дело телячье! – тотчас подхватил Влас. Но девчоночка – сам увидишь. Таких нынче – на сотню одна.

Тамара с подругой снимали комнату в Нахаловке – на изрытой оврагами окраине поселка, где с первых дней его существования обживал пологие склоны частный сектор. Улиц здесь не было. Дома стояли вразброс, перемежаясь огородами и куртинами невыкорчеванной тайги. Этакая расхристанная вольница на стыке елей и реки пришлась по душе многим переселенцам, хоть и ругали Нахаловку за анархию и бездорожье, за то, что трудно найти здесь человека по адресу.

У Власа нужного адреса не было, но он хорошо помнил дом, куда навещался однажды: три окна на Амур и аккуратненький такой штакетник кирпичного цвета... Все окна, мимо которых проходили они, глядели на речное раздолье. У доброй половины палисадников штакетник сиял свежим суриком – самой ходовой краской из фондов стройки.

Они брели по юркой, ускользящей в никуда тропе, взбирались по скользкой глине с косогора на косогор, и проницательные дворняги захлеб осуждали их легкомыслие.

– Зато полкило конфет тащим. Шоколадных, – мстительно напомнил Кочелабов.

– Считай, воротник от пальто, – охотно поддакнул Влас. Но ты не переживай, сейчас мы их по звуку найдем. У Томки магнитофон новый, она его всю дорогу гоняет. Вон, слышишь?

Из-за приземистых, искореженных ветрами манчжурских дубков, куда круто вела тропинка, доносилась какофония джаза.

– Может еще по запаху искать будем? – съязвил Кеша.

– Как хочешь, хозяин-барин. Влас огорченно вздохнул: морока одна с такими несговорчивыми. Тоскливо глянул на оттягивающую руку авоську, в которой зеленовато посвечивала поллитровка, малиново рдела бутылка шампанского и горбилась продрывшаяся сквозь газету селедка.

Без малой надежды на успех окликнул он худощавую, сторбившуюся над грядками картошки старуху и оказалось, что более осведомленного человека о здешних поселенцах они едва ли нашли бы во всей Нахаловке.

Вон за той покореженной трактором гордью – крыша дома, который они искали. Только Тамара с подругой там уже не живут – получили однокомнатную на двоих в новом кирпичном – как бы на Тамару с матерью. А мать немного пожила здесь, да обратно в деревню. Первый подъезд отсюда, третий этаж.

Старушке хотелось объяснить все обстоятельней еще раз, а может, и два – загоревшее до бордового цвета лицо ее лучилось радушием, но недосуг, недосуг было им. Ладно хоть поблагодарить не забыли, да Влас, спохватившись, успел спросить, как зовут Тамарину подружку.

– Люся ее зовут. Люся. А вот фамилии...

Въедливое предчувствие, томившее Кешу последние минуты, кольнуло его под самое сердце:

– Дак ты чего ж это... К кому ведешь-то? – с трудом поспевая за Власом, спросил он. Наобум Лазаря?

– Точно веду, можешь не сомневаться. Вот помню, не то Люся, не то Ляля. А на кой мне было ее имя, не жениться же с ней. Но девчонка что надо. И смекаешь – вдвоем в отдельной! Если что, Тамарке ты – как подарок.

– Я-то при чем?

– А как же! Ты Люську заберешь, а ей – отдельная, в кирпичном! Мечта холостячки. И Люська не дура, тоже небось смекает про то. Девчонка молодая, необученная, в самый раз замуж. Эх, кто бы меня, дурня, женил?!

– Ха, тебя женишь, – успокоено подыграл Кочелабов.

На третьем этаже нового кирпичного дома, у двери они перевели дух и оглядели друг друга. Видок у обоих был, конечно, не ахти: на обмытых в луже ботинках остались желтые пятна, низы штанов висели тряпками. Но, может быть, тайлся в этом особый шик – придти столь расхристанными и, приврав кое-что для потехи, рассказать, как излазили они в поисках подруг все овраги окрест. Какое девичье сердце не дрогнет, услышав такое.

Из-за двери просочился смех, тихий, журчащий.

– Она, – подмигнул Влас и надавил кнопку звонка.

Смех оборвался. Что-то скрипнуло, громыхнуло, затаилось там, в тишине.

– Марафет наводят, – пояснил Влас и снова взбодрил звонок. Он не отпустил кнопку до тех пор, пока за порогом не раздался шаг.

Дверь распахнулась и весь ее проем занял кто-то взърошенный. Клетчатая рубаха комом торчала из-под ремня, рыжая борода кривилась набок.

– Кого?! – рявкнул детина.

– Л-люсю, – выдавил Кочелабов, пораженный тем, как беззвучно, в мгновении ока слилась перед ним широкая спина Власа.

– Люсю? – хриловато перепросил рыжий, вываливаясь из двери.

Кеша не стал ждать, когда бородач исполнит желаемое. По лестнице он спустился сам. Добровольно, перепрыгивая через три ступени, и, только убедившись, что никто не скачет вослед, заорал на весь подъезд:

– Ну, Влас! Изувечу!

...Под навесом, на груди оставшихся от стройки досок, они отпили для поднятия духа прямо из бутылки. Обжигающий нутро ком прокатился в Кочелабове до самых пят, опахнул жаром лицо и шею. Даже пальцы вроде бы перестали зябнуть. Но долго еще Кеша не мог отойти от встряски: что-то вздрагивало и подергивалось в нем, куда-то бежать хотелось.

– Сволочь ты, Влас, порядочная, – уже миролюбиво, без крика подытожил он.

– Просишь что-ли? – лениво удивился Влас и, не дождавшись ответа, витиевато выругался в назидание. Ладно, остынь. На вот, вместо валерьянки.

Они отхлебнули из бутылки еще по разу, закусили конфеткой. Посидеть бы, помолчать в самый раз, как хотелось Кочелабову, а на Власа красноречие накатило. Он считал, что если взялись, надо довести дело до конца. Конечно, крупно не повезло им с Люськой, но разве мало в поселке других девчонок, может быть даже нецелованных. И идти совсем недалеко – до соседнего общежития, где такие невесты...

Мысль о том, что столь бездарно утекают меж пальцев с трудом собранные рубли, исподтишка точила Кешу, однако сильнее ее было желание плюнуть на все и остаться здесь, под навесом. Он так и сказал, что никуда больше переться не намерен, чем сильно огорчил Власа. Все же мучила того совесть за сорванные смотрины.

Из-под лохмотьев толи, свисающих с навеса, было видно, как охорашивалась в чердачном окне кошка: и лизала, и лизала себя, зажмурясь от удовольствия. Сквозь разодранные ветром облака пал на землю отблеск заката. Сладко пахло тесом и волглой стружкой.

Не привык Кочелабов долго держать на сердце обиду. Отдышался на свежем воздухе – и вот уж снова сбил на затылок кепчонку – козырьком в потолок. Может запах родной бондарки подействовал благотворно, или водка смягчила горечь испытанного, только все призошедшее вдруг увиделось Кочелабову как бы со стороны, откуда сам он выглядел вовсе не робким.

– Вот дали мы этому мужику! – заулыбался Кеша. Небось до сих пор не очухался.

– Что ты! – расслабленно хохотнул Влас. Застали мы его в самый момент. Глазищи выкатил – я думал, с маху врежет...

– А я гляжу – был Влас, и нету Власа. Ну, пряткий ты!.. Он мне: «Тебе кого?» А я: «Люсю давай!» Ну тут у него и вовсе борода набок.

Ах как они его!.. И завелись, закатились так, что ходуном заходили под ними жиденькие доски. И смех, как лучшее снадобье, очистил их души от унижения.

Не пошли они все же в женское общежитие, а вернулись в свое, родное, где у парадных дверей привычно ждала их вкопанная в землю бочка с водой для мытья обуви да висел плакат, предостерегающий от брюшного тифа. В своем родном тоже жили девчата, так что не заплесневели в тот вечер конфеты и не закисло гамза, еще и за добавкой сбегали дважды. Такое веселье раскошегарили – дым коромыслом.

Наутро Кочелабов проснулся от кошмара. Кто-то бородатый гнался за ним, размахивая вывороченным из земли колом, так что сухие комья, срываясь, колотили Кочелабова по спине. Противненько так поджимался в ожидании удара копчик, и в кулачок сжималось нутро – вот-вот оглушит, стервец, по темечку, а за что – не понять, и оттого еще страшнее было. Запнулся Кеша, с маху – лицом в грязь, и – глаза открыл, голову приподнял.

Парни еще спали. Тусклый денек зачинался за окнами, высвечивал неубранную посуду на столе.

Напившись чуток воды из-под крана, Кочелабов поглазел на квелые щеки с блеклым росчерком губной помады, яростно оттер ее и вновь завалился в лежку. На душе было препогано. Тело уже расслабилось от кошмара, но ощущение тревоги и неустойчивости не отпускало. Видно, осталось оно от вчерашнего, но вспоминался вечер с трудом. В голове не то тикало, не то скрипело, но он все же заставил себя восстановить начало той гулянки.

Как стакан разбил – помнил. Как с молоденькой поварихой, толстушкой Зоей, танцевал – тоже помнил. Как с пигалицей этой познакомился – до смерти, наверное, не забудет. Пальчики

лодочкой сунула ему: «Аделаида». Он, естественно: «Иннокентий». Но тотчас поправился, что можно звать просто Кешей. «Просто Кешей?» – удивленно переспросила она и будто ненароком переименовала имя: «Простокишей?.. это для памяти.» Свистнула в сухонький кулачок, словно припечатала, и пошла за стол как ни в чем не бывало. А Кеше враз захотелось напиться до чертиков, до поросячьего визга. Это надо ж так слово подтасовать – простокиша! Просто-кваша, то есть простофиля, иначе говоря. И то верно, если по трезвому рассудить: сколько человек упоил вчера вусмерть, а чего ради?.. Еще и развеселить их взялся: «Эх, отвяжись плохая жисть, да привяжись хорошая!». Тьфу!

На правах старожила Кеша занимал лучшую койку в углу, где не так жарко было от радиатора в тихие дни, и не так холодно, когда дули с Амура пронзительные ветры. Слева от Кеши досматривал сны кудреватый алиментщик Костя. А справа, у окна уже потягивался во всю свою косую сажень подающий надежды ученик экскаваторщика Федя Крохалев.

Накануне, около полуночи Крохалев выслушивал пьяные откровения Кеши, и теперь, смутно вспоминая эти разговоры, Кочелабов лежал и ждал, когда же трезвенник Федя отреагирует на вчерашнее: то ли посмеется беззлобно, то ли ругнется, есть за что.

Крохалев просто не замечал Кешу. Молча умылся, молча влез в брезентовые похрустывающие брюки. В неспешной той отрешенности почудился Кеше худший из приговоров.

– Что-то голова затяжелела. Наверное, ума прибавилось, – сказал он для затравки.

Крохалев молча боролся с молнией на куртке.

– Федь... А, Федь, – робко окликнул Кочелабов. Здорово я вчера, а?

– Да уж куда здоровей, на бровях добрался.

– Но своим ходом?

– Своим. С дружинниками в обнимку.

– Иди ты! – восхитился Кочелабов таким финалом вечеринки.

– Скажи спасибо, что попались свои парни, из монтажников, а то бы запросто остудили тебя, Христосика, под душем.

– Федя, голова у человека трещит, – искренне посочувствовал Костя, – а ты ему нотации вместо соленого огурца.

– Квартиру мне вчера посулили, – внезапно припомнил Кеша. – А потом – во, говорят, кукиш!

– Да слышали вчера, не однажды, – прервал эти страдания Костя.

В то утро комплексная бригада из Осетии спозаранку укладывала бетон в фундамент корообдирочной машины. Все звенья действовали слаженно, согласно графику, кроме одного: из трех самосвалов на линию вышло только два и непрерывного процесса не получалось. Водитель третьего самосвала будто бы заболел. Но когда бригадир осетинцев заехал в общежитие поднять его с постели живого или мертвого, в комнате никого не оказалось.

– Вот только что здесь был, – оправдывалась вахтерша, словно и ее вина была в том, что простаивала бригада. Может, к кому зашел?

Вытирая полотенцем шею и грудь, Кочелабов услышал, как в коридоре гулко хлопнула дверь, и кто-то в сердцах дьявола помянул. Торопливые шаги, неясный шум и снова тот же взвинченный голос с кавказским акцентом:

– Нэ беспокойтэсь, я его найду. Найду! Из-под земли достану!

Крохалев выскочил в коридор и вернулся с дурной вестью: осетинец лютует, кто-то обнимался вчера с его невестой.

– Какой невестой? – не подозревая подвоха, вяло отреагировал Кочелабов.

– Да повариха у него какая-то, Зойка. Крохалев подмигнул Косте.

Тот подхватил розыгрыш на лету:

– Молоденькая такая?.. Как же, красивая деваха.

Вот оно, нагрянуло, что не случайно приснилось. Поверив в надвигавшуюся расплату тотчас, Кеше до нетерпенья захотелось оправдаться перед этим, как видно, очень возбужденным парнем.

– И вовсе никто ее не обнимал. Брехня все это – на всякий случай отбоярился Кочелабов.

– А ты что... был вчера с ней? – поразился Крохалев.

– Да не был, не был. Просто познакомились.

– Познакомились. За руку то брал?.. У них ведь у горцев как?.. Если за руку брал, значит осквернил невесту.

– О! Слыхал: «Моя повариха», – метнулся от двери Костя. Ты уж это, нам-то скажи. Может и поцеловал ее, а?.. Не помнишь...

Прислушиваясь к разноголосице в коридоре и пытаясь уловить в глазах приятелей хоть отблеск улыбки, Кочелабов признался, не до конца уверенный в том:

– Танцевали мы с ней. А больше ничего.

– О-о! в один голос ужаснулись парни.

– Зарэжэт, – убежденно сказал Костя. У них это просто – чик!

– Да у него в руках вроде ничего, припомнил Крохалев, ловко смахнув со стола в ящик туповатый, позаимствованный в столовой нож. И набросился на озиравшегося Кочелабова. Ну чего встал, как истукан?.. Под кровать ныряй, ну!..

– Где этот слабак, который при смерти? – проникло сквозь стены. С Азаматовым не желает поговорить?!

Кочелабов не желал. Но и ползти под кровать было слишком унижительно. Пригнувшись, подскочил он к встроенному в стену шкафу, где висела верхняя одежда и натолкан всяческий хлам от мотка проволоки до сношенной обуви. Как удалось Кеше втиснуться в тот пропахший масляной ветошью шкаф, – необъяснимо. Что-то грохнуло, лязгнуло, с вешалки сорвалось. Чертыхнувшись, Кеша вжался лопатками в стену и рванул дверцы на себя. Они не сошлись вместе.

Одежкой занавесили Кочелабова. Но, стоя навтыжку в пыльной духоте, он не чувствовал себя в безопасности. Мелко, противно так вздрагивали колени.

«Да что же это со мной делается? – обожгло Кочелабова. Забился, как клоп, друзьям на потеху. А чего струхнул?.. Ну горланит сдуру этот ревнивец, так нет ведь у Кеши вины перед ним. Пусть хоть ножом, хоть саблей грозится.»

– А-а! – выломился Кочелабов из шкафа с плащем на голых плечах. Щас я этому баламуту!..

Хохот, грянувший в комнате, не смог остановить Кочелабова. Он рвался к двери выдать тому осетину все, что о нем думал. И Федя, обняв Кешу, как меньшого брата, едва уговорил его не делать такой глупости. Ну пошутили они, что он, шуток не понимает?

– Эх вы! – только и сказал, обмякнув в плечах, Кочелабов. Хотел добавить что-то еще, да так и побрел молчком в свой угол. Бесцельно порылся в тумбочке, успокаивая дрожащие пальцы и удивляясь тому, что вроде бы и голова болеть перестала.

Крохалев покосился на Кешу, чувствуя некоторую неловкость оттого, что не смеялся сосед вместе с ними над розыгрышем и даже на работу не спешил.

– Ты чего? – на всякий случай спросил он.

– Так.

– Так дак так, перетакивать не будем, – охотно согласился Крохалев.

Косте и вовсе было не до Кочелабова. Что-то прожевывая на ходу, он врубил транзистор – должны были объявить точное время.

«Как же так, – думал Кочелабов, глядя на соседей своих, – ведь знают же они, как погано с утра у него на душе: и про квартиру знают, и про пальто, которого уже не купить, а нет у них ни участия, ни жалости, только бы похохмить? Весело им, его друзьям, так друзья ли они?»

Когда к Косте приезжала выяснять отношения бывшая теща, и он отсиживался у соседей, Кочелабов принял на себя всю ругань, которую вынашивала в себе для зятка эта расфуфыренная мадам. Все слышал Костя, схоронившись за тонкой стеной в соседней комнате. Бледный пришел потом, еле шаркая шлепанцами. Вот уж когда можно было покуражиться над ним вволю! А разве надсмехался тогда Кочелабов?.. Матюкнул его, правда, за дело, но и успокоил, как мог. Даже всплакнул Костя о дочке, стыдливо размазывая слезы, и долго говорили они по душам...

Кочелабов терпеливо ждал, когда уйдут парни, а они, словно нарочно, все толклись и толклись, беззлобно поругиваясь, возле разоренного Кешей шкафа. Наконец, хрястко вздрогнула дверь и все стихло.

Он завалился на кровать в чем был. Хотелось лежать так, вмертвую, и час, и два, чтобы никуда не спешить и ни о чем не думать. А думалось, думалось...

Если Федя с Костей не друзья, то есть ли у него настоящий преданный друг, который за тебя – в огонь и в воду?.. Кочелабов перебрал в памяти с десятков близких знакомых, но то были скорее приятели, чем друзья – парни, с которыми приятно скоротать время, и только. Не поверив этой горькой правде, он стал припоминать еще и еще знакомых, без счету оказалось их в поселке, а того самого, вроде Лешки Дятлова, с которым корешили они в школьные годы, не нашлось. Отчего же так?.. Или нужды не было такой?.. Да ведь кто специально друга ищет, это ведь как в любви...

Не под силу оказалось Кочелабову в одиночку бороться с докучливыми мыслями о себе. Пересилив неохоту, он поднялся с кровати, сунул ноги в сапоги, натянул расхристанную телогрейку, а на душе по-прежнему было пасмурно.

В столовой, куда Кочелабов приплелся, не чувствуя голода, многие столы уже пустовали. Он взял стакан молока и стакан чаю, положил на них по пирожку с капустой и опустился на скамью.

Что-то истончилось и оборвалось в Кочелабове этим утром, какой-то двужильный привод, который тянул и тянул его без устали в дождь и слякоть, в стужу и пургу, где ждала его единственная и верная по гробовую доску работа. Он никогда не задумывался, ради чего или ради кого впрягся он в эту лямку. Все работают, чтобы жить, ведь это столь очевидно. Но жить можно по-разному. Вчера он представил себе ту разницу не вообще, а столь зримо, что устоявшийся, привычный быт его потускнел, словно милый сердцу, но безнадежно пожелтевший снимок. И не в квартире, как он догадывался, было дело, а в той, пока не встреченной им, без которой столь одиноким почувствовал он себя сегодня.

В этот день бригаду Лястры «кинули на глину», в авральном порядке, как уточнил мастер. Никого в котловане не застав, Кочелабов обрыскал весь цокольный этаж, забрался повыше – бригады нигде не было.

«Во дела!», – совсем расстроился Кеша, переведя дух на тупиковой площадке. Здесь было сравнительно тихо, но то, что делалось внизу, прослушивалось четко: перестук компрессора, хырчание лебедки, вязкое хэканье топоров...

Кеша замер, внимая гулкой разноголосице звуков, как, бывало, надолго замирал, заблудившись в лесу и надеясь уловить хоть слабенький треск мотора, или хриплый вскрик петуха. В этот раз терпенье его вознаградилось.

– Ах так?.. Ну, держись! – донесся, словно из преисподней, сдавленный Шуркин голос.

«Влас резвится. Во, оглоед!» – перекрестил про себя напарника Кочелабов и побежал вниз по шатким, визгливым сходам.

На замусоренном щепой и стружкой «нуле» – грунтовой основой здания бригада разбирала сваленные в кучу лопаты. Очень вовремя успел придти Кочелабов. Занятый разъяснениями Лясота даже не ругнулся для порядка, только и сказал:

– А-а, жених пожаловал... С краю копать будешь, со мной.

И потянулись все цепочкой вдоль перевитой кабелями стены. Траншеею предстояло отрыть не длинную – тридцать метров на вольном осеннем воздухе.

Кочелабов встал сразу за спиной Лясоты, обтянутой стареньким флотским бушлатом, и с таким нетерпением вонзил острие лопаты в податливый глиняный пласт, словно давно ждал этого часа. В охотку пошла привычная с детства работа.

Бригадир тоже махал лопатой сноровисто, но все же чуть реже, чем сосед. Когда Лясота ушел в землю по колени, Кеша уже стоял на ладонь ниже. Приметив, что обходит закоперщика, Кочелабов почувствовал, будто силы у него прибавилось вдвое: знай наших! Хоть и выпил вчера изрядно и самочувствие неважноецкое, а обставляет самого бригадира.

Здорово наловчился орудовать лопатой Кочелабов: копай глубже, кидай дальше, пока летит, отдыхай. Правда, чем ниже шел пласт, тем более вязкой становилась глина, но и это не в тягость – резче тычек, резче взмах. «Ай да Кочелабов! Попробуй-ка догнать его бригадир!..» Так, увлекшись работой, без удержу нахваливал себя Кочелабов.

Когда бортик траншеи поднялся выше пояса, оглянулся Кеша на Лясоту, а у того лишь лопата над насыпью мелькает. Если не перегнал Кочелабова, то наверняка на равных идет бригадир. Вот тебе и дохвастал!

Обозлился на себя Кочелабов, заспешил, и лопата тотчас криво в землю пошла, да там и залипла. Сразу тягостней стала работа. И вчерашнее питье, и сегодняшний хилый завтрак – все напомнило о себе, дождавшись срока.

День тянулся и тянулся, долгий, как эта траншея. Казалось Кочелабову, что конца ей не будет: сколько ни копай, все так же станут теснить с боков пропахшие сыростью пласты глины... Смутное беспокойство рождали в Кочелабове эти влажные, идущие из глубины земли запахи. Словно напоминали они ему о недавнем... Неужто о тех днях, когда расчищал Кеша старый, выкопанный прадедом колодец?..

Глава 4

Было это прошлым летом. Кочелабов с таким нетерпением ждал очередного отпуска, который пообещали ему представить не зимой, как обычно, а в августе, в самое золотое время на Нижнем Амуре, что окончательно поверил в свое везение лишь приметив с парохода побуревшую от времени крышу родного дома.

Мать наглядеться на него не могла, все приставала к нему с расспросами. А он, едва поднявшись из-за стола, отправился в новый, построенный залетными шабашниками клуб. Тамлюдно было и шумно. Праздновался юбилей рыбацкой артели.

Кочелабов вошел в зал, и ничего сначала не понял. От стены до стены шеренгой выстроились столы, а вместо закуски на каждом тускло поблескивал противень с мелкой, морем пахнущей камбалой. Женщины в клеенчатых фартуках, большей частью молодайки, сноровисто шкерили рыбу – кто быстрее. Дело для поселковых было привычное: каждую путину подражались в комбинат на разделку лососей и стар и млад. Потому и соревноваться затеяли. Узкие лезвия не резали, а, казалось, выписывали узоры, рассекая плоские спины камбал.

Кочелабов понаблюдал за торопливым сверканием ножей, поозирался, отыскивая в толпе корешей, но среди зрителей, громко обсуждавших мастериц, знакомых парней не было.

В буфете торговали лимонадом, конфетами и коржиками. На покрытых скатертями столах красовались в литровых банках маленькие подсолнушки – цветы ястребинки. А под теми скатертями уже шла работа – разливали втихаря кто белую, кто красную, купленные в магазине напротив.

Кеше поднесли полстакана беленькой и кусочек коржа на закуску. Наливали еще по случаю праздника, но в это время баянист заиграл марш, гомон в зале усилился и Кочелабов пошел взглянуть, чем все это кончится. На сцене уже вручали приз «Проворные руки».

Незнакомая Кеше молодая, крепкая в кости женщина с тонкими, затвердевшими от волнения губами держала в руке букет все тех же рыженьких ястребинок, а другой прижимала к себе большого плюшевого кота в сапогах, наконец-то покинувшего самую верхнюю полку поселкового магазина. Не знала мастерица, куда деться от похвал, от общего внимания, от зрчка фотоаппарата корреспондента районной газеты.

«Хоть бы улыбнулась, – подумал Кочелабов, поаплодировав со всеми вместе. Стоит, как кукла.»

Потом объявили танцы, и в зале, где еще не выветрился запах свежей морской рыбы, возле сваленных в груды противней, затоптались, задвигались пары. Пока Кочелабов осматривался, кого пригласить на первый танец, девчонок у стены не осталось. Он растерянно посунулся в один угол, в другой и увидел призершу, одиноко стоявшую с плюшевым котом в руках. Глаза ей теперь не от кого было прятать, и она смотрела на танцующих с грустной сосредоточенностью рано повзрослевшего человека.

Красивой ее нельзя было назвать. Короткие мускулистые ноги, широкие бедра как бы укорачивали, присаживали ее узкую в плечах фигуру. Поджатые губы и затвердевший подбородок не обещали приятного знакомства. Но ведь это была победительница, лучшая из мастериц, которой только что аплодировали все. Как же обошли ее вниманием?.. Несправедливость показалась Кочелабову столь очевидной, что он, не раздумывая, шагнул вперед:

– Разрешите...

Мастерица, как показалось Кеше, едва скользнула по нему взглядом:

– Спасибо, не танцую.

«Все ясно. Ждет принца», – с неприязнью подумал Кочелабов, но отступить было некуда, и он спросил, чтобы не стоять рядом молча:

– А почему я вас не знаю?

– Наверное, постарела я, Кеша, – спокойно ответила она оторопевшему Кочелабову.

Позднее он много раз, и про себя, и вслух, словно бы в оправдание, удивлялся, как же сразу не узнал он Аву Дежневу, чья большая семья издавна жила неподалеку от дебаркадера. Впрочем, что ж удивительного: перед тем, как ушел Кочелабов в армию, бегала с парнями на рыбалку этакая мосластая пигалица с косичками и часто ловила на удочку больше всех, словно знала какую-то ворожбу. Ничего похожего на эту склонную к полноте женщину, что стоит рядом, чуть возвышаясь над ним. И коротко подстриженные волосы посветлели, и голос стал нутряным, будто временем приглушенный. А не так уж много и минуло с тех пор – всего каких-то шесть лет.

Не в силах затушевать неловкость первой минуты, когда не узнал ее Кочелабов, Августа растерянно и горьковато улыбалась, а он пробуксовывал одни и те же, ничего не значащие слова: «От, ехор-мохор! А я гляжу, кому это кот вручают?.. Надо же...»

Как палочка-выручалочка вспомнилась Кочелабову дразнилка, которой шпыняла когда-то ребят Ава:

– Да-а,.. нынче воскресенье, девочкам печенье...

– А мальчишкам дуракам толстой палкой по бокам, – подхватила Августа, и в темных глазах ее блеснуло знакомое озорство. Ты не подумай чего, я в самом деле плохо танцую... Пойдем лучше на волю.

Вечер был теплый, безветренный. Они шли с Августой по добела вытопанной тропе, на виду у всего поселка, мимо полузамытых песками, отполированных временем бревен. Приятно веяло с Амура речной свежестью. Но чувствовал себя Кочелабов так, словно вывели его сюда напоказ, сунув в руки, на подобие младенца, плюшевого кота. «Дурацкий кот, и сам на дурака смахиваю. Прогуливаемся с цветочками да с игрушкой, как городские, кому делать нечего.» Он тоскливо поглядывал на реку, где подремывал в лодке одинокий рыбак, внимал рвущимся из клуба танцевальным ритмам, пока слова Августы не пробились к нему сквозь назревавшее раздражение. Перестав поддакивать невпопад, он вслушался в речь ее, и заурядная, скучноватая поначалу история девичьего житья-бытья вдруг заинтересовала милой его сердцу нескладностью своей.

В свои двадцать лет Августа успела и поработать после школы на комбинате, и поучиться малость во Владивостоке, и сына родить не в замужестве. Рассказывала она о себе чудновато, с усмешечкой, как бы глядя со стороны, чтоб не слишком жалостливо выглядели ее похождения. Но когда стала вспоминать, как проводила в рейс своего суженого, а обратно он так и не вернулся – списался на берег где-то на Камчатке, перехлестнула горло обида и не сразу отпустила.

– Да ну его к черту! И говорить о нем не хочу... А сынище славный у меня, Егорка. Наверное, обрелелся весь у соседки, а я разгуливаю с тобой, тары-бары. Ты заходи как-нибудь, познакомлю.

Пообещал Кочелабов, что зайдет, – больше так, для приличия, уверенный, что вряд ли выберет для этого время. Другие у него были планы. Стосковался он по реке, по рыбацкой большой путине, от которой остались самые яркие впечатления детства и отрочества. Да и можно ли забыть такое: томительное ожидание «гонцов» – предводителей осенней кеты, когда замирает весь берег и даже разговоры ведутся вполголоса, чтобы не спугнуть удачу; долгие, накатывающие с низовьев по затихшей воде не то крики, не то вздохи рыбаков, выволакивающих набрякший невод: «Да-а-а-ва-а-а-ай по-о-тя-я-я-я-не-е-м»; пляшущие на волне балберы-поплавки; неистовство мощных, пружинистых хвостов лососей, мелькающих над бортами кунгасов; хваткое нетерпенье стосковавшихся по работе, облепленных чешуей рук; хриплые от возбуждения голоса; пряный вкус едва присоленной, быстро вянущей на ветру икры, похожей в ястыках на диковинные гроздья ягод; терпкий, пьянящий запах тузлука, от которого некуда деться...

Каждый год, едва начинали вытаскивать из-под снега бурые гребни перекопанной экскаваторами глины, мечтал Кочелабов о том, что, может быть, этим летом удастся ему взять отпуск в августе. Приедет он домой, и – сразу на тоню, на самую дальнюю, у лимана, где вольно раскинула свои палатки артель, где все будет в сладость: и долгие часы безделья, когда рыбы нет, и азартная торопливость в работе, когда навалятся с океана косяки рыбы. Лучшего отдыха от стройки Кочелабов и представить не мог.

В прошлом году наконец-то все сложилось, как намечал. На другой же день, после вечера в клубе, добрался Кеша с оказией на отдаленную тоню, зачислили его в бригаду и чуть ли не три недели до саднящих ночами мозолей таскал он с рыбаками скользкую подбору. Отсырел, почернел, но душой отмяк на просторе, и деньжонок – худо ли, бедно ли – заработал, и кеты засолил для дома – тоже не последнее дело. Можно было б еще на пяток дней остаться: время позволяло, рыба хоть слабенько, но шла, и бригадир премиальных сулил подбросить, да затосковал Кочелабов, закручинился.

В звонкие и сухие, овеванные прохладой дни, когда над лиманом отстаивались редкие облака и у вешал, где латал он рваную дель, буравили тишину мухи, на душе было благостно и светло. Легко и свободно чувствовал себя Кочелабов в круговерти путины, в самой чертломной работе. И лишь вечерами, в духоте палатки, под ленивую перебранку артельщиков настигали Кешу разные видения и мысли.

Не однажды клуб вспоминал, пеструю толпу танцующих, когда столько сезонниц – отчаянных голов было вокруг, а он с плющевым котом обнимался. Пытался вообразить, как славно можно было бы провести иначе тот вечер, но, странное дело, чем дальше стремился уйти в мыслях от скучноватой встречи с Августой, тем явственней слышался негромкий цокающий ее говорок. Забавная молодайка – разоткровенничалась ни с того ни с сего, как будто дружили они с пеленок.

Возвратившись домой раньше, чем обещал, Кочелабов отгладил пылившиеся на вешалке брюки, надраил до голубого сияния японские лаковые полуботинки и пошагал через весь поселок под завистливые, как ему казалось, взгляды юнцов.

Вечерело. Змеились на досках тротуара вертлявые тени ивовых листьев. Из-под заборов, затянутых обрывками списанных сетей, с кудахтаньем шарахались куры. Возле сельсовета, в топкой низинке, шныряли рядом с домашними утками пронырливые чирки, и никому не было дела до той дичи.

Кочелабов вышагивал, кивая знакомым направо и налево, улыбаясь и чувствуя в ногах легкость необыкновенную: все позади, отгарабанил, отмантулил свое и теперь имеет полное право загулять на всю катушку.

Клуб встретил Кочелабова тишиной и запустеньем. Между рядами сколоченных стульев валялись неприбранные окурки, кисло пахло застоявшимся табачным дымом. Дверь в библиотеку была распахнута. Там с ленцой перебирала стопу книг рябая заспанная девица да подремывал над подшивкой «Тихоокеанской звезды» худощавый и чернородый дед Гуров.

– А-а, рабочий класс пожаловал, – встрепенулся он, заслышав шаги. Все строим, строим, а сапог в магазине нет.

– В валенках походишь, не генерал, – осерчал Кеша не столько на занозистость деда, сколько на излишнюю самонадеянность свою. Нагладил, надраился, как на свадьбу, а тут и словом добрым перекинуться не с кем.

Он оглядел с крыльца сиротливо вздрагивающие на привязи лодки, заросший мелким кустарником «пяточок», и такая тоска вдруг взяла за горло, что прилавок магазина показался единственным достойным рыбака спасением.

Со стороны бондарки в стылом воздухе катился гулкий, сбивчивый перестук – кто-то спешил управиться с работой до темноты. Загнав бутылку в узкий карман, Кеша решительно устремился навстречу родным, веселящим походку звукам, как вдруг, не доходя до кряжи-

стого, рубленного из кедровых бревен пятистенка, замедлил шаги. Сработал в нем какой-то исподволь заведенный, настроенный на эти высокие окна будильник.

Августа встретила гостя так, словно он заходил к ней в дом по пять раз на день. Даже руки не подала. А, может, и подрастерялась немного – все повторяла, что гостя угостить нечем и рассеянно улыбалась. Но бутылку тотчас отодвинула, едва Кочелабов освободил свой карман.

– Ты как хочешь, а мне нельзя, – и в угол кивнула, где затянутый марлей от комаров, лежал розовый сверток.

Без водки беседа не клеилась. Кочелабов чувствовал себя скованно от ощущения той же слепой случайности, которая свела их в клубе. Вновь по-трезвому примечая, как округлились ее оголенные по локоть руки, как обозначилась под глазами нездоровая бледность, он невпопад улыбался, пил чай с моченой брусникой и слушал не столько Августу, сколько затихающие звуки поселка. В бондарке уже отговорили молотки.

Родители Августы еще весной уехали в Николаевск, где училась в техникуме младшая дочь. На дом подходящего покупателя не нашлось, и весь он с банькой в огороде, с крытой шифером стайкой для скота, остался Августе. Звали и ее в Николаевск, да перед тем столько упреков выслушала она за Егорку, что сочла одиночество за благо.

Непутево все началось у Августы. Жалость к ней остудила в Кеше слабенькую надежду, что, может быть, еще разгуляются их беседа и настроение, и кто знает, чем обернутся такие посиделки – все же он званый гость.

– Только ты чего не подумай. А то были здесь ухажоры: рыбонька, кисанька. А я не рыбонька и не кисанька. Живо дверь обратно нашли.

Кеша допивал чай, макая в него засохший пряник и думал, что права Августа. Так даже лучше, без дешевого ухажерства... Просто зашел навестить знакомую, и только. Остальное, если и было в голове, так блажь одна и томление, оттого что неделями не видел женщин.

Что-то скрипнуло в комнате, и Августа вмиг оказалась возле коляски. Зашуршало, завякало в углу, опажнуло Кочелабова влажным запахом пеленок.

– Охо-хо, море ты мое разливанное. Сейчас, сейчас, поменяем мы Егорушке все, как есть, сделаем сухо да тепло.

Руки Августы двигались легко и сноровисто, как в тот вечер над заваленным камбалой столом. Осторожно ступая, Кочелабов подошел к коляске. Что-то там посверкивало из пеленок, что-то пузырилось, скукоженное гримасой, а общего выражения, какой-то хотя бы отдаленной похожести на Августу не было и в помине.

– Надо же... – только и произнес он.

– Сам-то, думаешь, красивей был? – вскинулась Августа.

– Да я разве что... По мне все младенцы на одно лицо.

Извинившись, Августа присела кормить грудью сына, и Кочелабов вовсе затосковал. Уйти так вот, вдруг, было неудобно. А разглядывать выцветшие цветы на обоях – сколько же можно... Бутылку он уже втиснул обратно в карман, и тяжесть ее наводила на бранные раздумья о том, с кем же распить ее сегодня.

Он вздрогнул и замер от одного лишь слова, сказанного с такой щемящей нежностью, какая жила в нем смутно вместе с привкусом материнского молока:

– Ми-илый... милый мой, – распевно повторяла Августа. И, не глядя в ту сторону, легко было представить, каким мягким внутренним светом озарено ее лицо. Не торопись, голубчик, не спеши...

До той минуты и представить не мог Кочелабов, чтобы обыкновенные, сказанные ребенку слова, даже не сами слова, а выдохнутая с ними нежность, могли пробудить в нем острый, чувственный интерес. Он сидел, не меняя согбенной позы, и сожаление о чем-то несбывшемся, почти похороненном в сомнениях и растратах, вдруг туго сдавило его за горло.

– Ми-илый мой, ну нельзя же так зубками, маме больно, Егорушка.

Кочелабов встал, громыхнув табуреткой, приметив краем глаза, как Августа испуганно заслонила ладонью кругую, оттянутую книзу грудь, и только у двери вроде как извинился:

– Ты меня это... Я пойду.

– Вот дурной.

На следующий день Кочелабов снова очутился возле того самого, крепко сбитого из кедрача дома. Пришел с ирисками и печеньем, с беспечной, слегка виноватой улыбкой и непонятным смятением в душе, словно собирался не в гости, как убеждал он себя, а спешил на свидание.

Толкнулся в дверь – заперто, сучек еловый в щеколде вместо замка. Так и побрел обратно, с ирисками и печеньем, со смятением своим и никому не нужной беспечностью.

Давно уже не интересовала Кочелабова похилившаяся усадьба деда Гурова. И сейчас шел он мимо, с надеждой вглядываясь в даль улицы, как вдруг за разросшимися кустами смородины царапнуло взгляд что-то чуждое, броское... Детская коляска. Это с каких же пор младенец у Гурова?.. Кеша привстал на цыпочки и разглядел за листвою снующую над корытом округлую спину Августы.

– Эй, здорово! Ты чего тут?! – позабыв про младенца, обрадовано гаркнул он и осекся под сердитым взглядом Августы, с подчеркнутой осторожностью открыл калитку.

Босоногая, обласканная солнцем, в тонком ситцевом платье удивительно похожа была Августа на ту забытую Кочелабовым девчонку. Только б удочку в руки – и айда опять на реку на весь день. А она стояла, отжимая с кистей рук хлопья пены, и затасканное мужское исподнее белье топорщилось перед ней из корыта.

– Ишь как... – растерянно сказал Кеша, обращаясь скорее к себе, чем к Августе.

– Вот деду Гурову, понимаешь...

– Понимаю. Подработать что ли решила?

– Что ты? Какие с него деньги! Так я... Ну просто так, по-соседски.

Он кивнул, вроде бы успокоенный этим ответом, но про себя отметил, что не рядом живет Августа – за четыре дома отсюда.

– А я к тебе собрался, – сказал Кеша, пристраивая кульки возле детской коляски. Больно чай у тебя хорош.

– То-то стриганул вчера зайцем. Я так и решила – чаю перепил.

– Перепил, – с легкостью согласился Кочелабов. Ну да ладно, ты это... Ириски тут да печенье.

– Вот здорово! Дедуля как раз ириски любит.

Кочелабов вскинул голову: уж не смеется ли над ним Августа в отместку за вчерашнее. Но радостны и не замутнены обидой были ее глаза.

Чай они пили втроем. Дед Гуров еще не оправился после приступа радикулита и теперь полусидел-полулежал, облокотившись на низкий подоконник, посверкивая на молодых из-под курчавых черных бровей.

Неуютно чувствовал себя Кочелабов под этими взглядами за выскобленным до глянцевой желтизны столом. Чашку держал чинно и твердо на растопыренных пальцах, чаем не швыркал, а отхлебывал его маленькими глотками, и, оглядывая стены, обклеенные репродукциями картин и фотографий, корил себя за малодушие: зачем согласился на этот чай.

Дед Гуров не столько увлекался сладким, сколько нахваливал Августу: какая она добрая да пригожая, хозяйственная да внимательная к нему, старику. И хоть Августа сердилась совсем непритворно и даже грозила оставить белье нестиранным, если дед не прекратит свое слово, он только хитровато подмигивал Кочелабову, как сообщнику, и продолжал гнуть свое. Все это начинало походить на зауряднейшее сватовство.

Кеша кивал головой для приличия, чтоб не сидеть истуканом, и ждал момента, чтобы спросить, не на войне ли потерял дед свое здоровье. И он спросил, готовый выслушать дву-

смысленный в своей уклончивости ответ, не столько для себя, сколько для Августы, чтоб знала, кому стирает белье.

Вместо ответа дед попросил Августу подать ему с тумбочки альбом фотографий. На одной из них, порыжевшей от времени, четверо солдат, натужась, выталкивали из грязи сорокапятку. И в крайнем солдате, без подсказки, можно было узнать чернобрового, с заливчатским чубом их собеседника.

– Вот с этой пушчонкой до Пскова и дошел, на здоровье не жаловался, пока осколок в загривок не поцеловал.

«Что ж он раньше той фотокарточки не показывал, не давал сплетням окорот? – подумал Кочелабов. Неужто обошли его стороной бабьи пересуды?»

– Поправитесь, – убежденно сказала Августа.

– Поправитесь, быть может, и поправлюсь, даст бог, – вздохнул Гуров. А здоровья-то уж не жду. В мои года – какое там здоровье. Вы молодые – вам жить... А ты, милка моя, – ткнул он жилистым пальцем в Кочелабова, – правильно на жизнь смотришь. Ребенок, чей ни будь, разве помеха в жизни? Да столько их еще наробите вместе, помяни мое слово...

Августа, фыркнув, выскочила из-за стола.

Найдя ее за домом, в ягоднике, Кочелабов едва не поверил, что собирается Августа исполнить обещанное. Вот поправит сейчас одеяльце на Егорке и покатит домой.

– Пень старый! Язык-то без костей, вот и молотит, вот и... И ты тоже хорош поддакивать: да, да, – передразнила она Кочелабова. Он то ладно – нашел золотце: милашка, букашка. Дура я, толстая и некрасивая дура. Не слепая, все вижу.

– Будет врать-то, какая ты дура? И не толстая вовсе, чего наговариваешь?..

– Была бы умная, училась бы сейчас в городе и горюшка не знала. А тут не сыщешь даже, куда девать себя.

Кочелабов жалостливо обнял Августу, и та затихла, сжалась, будто хотела стать совсем маленькой. Под его ладонью поймано затрепетала какая-то жилка. Заполошное, ускользающее биение ее поддействовало на Кочелабова сильнее, чем сами слова: и боль Августы за свою неустроенность, и досада на языкастого деда, и боязнь, что Кеша по-своему истолкует это застолье – все смятения и тревоги просочились в него, как в сухой, потрескавшийся от влаги суглинок.

– Ты хорошая девчонка, Ава, – сказал Кочелабов.

– Баба я, Кешенька, баба.

– А я вот поглядел сегодня – девчонка, правда, как тогда.

Она засмеялась, и веря и не веря его словам.

– Скажешь тоже. Где-то подмазываться научился.

– Не, не умею. Иногда, знаешь, и хочется, ехор-мохор, а не умею. Я ведь тоже дурачок, без вранья.

Кеша и сам удивился, куда это его занесло в разговоре. Но Августа слушала, не перебивая, и он продолжал нехитрые свои речи, пока она не вздохнула:

– Вот брошу сейчас все, будешь знать, как языком балобонить.

– И правильно сделаешь, – подхватил Кочелабов. Сама же говоришь: «Старый пень».

– А что ты о нем знаешь? – с вызовом спросила Августа.

Много раз вспоминал потом Кочелабов этот разговор, не переставая удивляться тому, что, сызмала помня Гурова, не знал он правды о нем, а она, девчоночкой, знала. Верила, что никогда не прислуживал он фашистам, хоть и писали о том подметные письма. Было другое: долго выбирался из окружения, за что и осудили его, отбыл в лагере срок. И потом не баловала Гурова судьба. На лесоповале, куда их мобилизовали из рыболовецкого колхоза, придавило комлем жену, так что в сопки шли они рядом, а обратно выносил он ее по сугробам на закукорках.

Про жену Наталью, у которой отнялись ноги, Кочелабов знал, помнил, как жалели ее потом все бабы. А про то, какво приходилось Гурову, не старому еще мужчине, ухаживать до самой смерти за этой мнительной ожесточившейся женщиной, не доводилось задумываться Кеше.

В пересказе Августы знакомая история с Натальей прозвучала так, словно Кеша услышал ее впервые, и сам Гуров предстал вдруг не странным, изломанным жизнью стариком, а человеком, сохранившим долг и верность жене в самое лихолетье. По совету врача каждое утро и вечер натирал он и отжимал для жены по стакану морковного сока. У многих ли мужиков хватило б терпенья на это?

Последний вопрос адресовался напрямую Кочелабову – так откровенно глянула на него Августа. Ему же оставалось лишь рассказать, как лазили они с Лешкой в огород за этой самой морковкой, а Гуров чуть не ухлопал их из берданы.

– Пугнул вас небось холостым, а вы уж...

– Ну да, над ухом просвистело, – соврал Кочелабов.

– Значит, в воздух пальнул. А иначе б, понимаешь, не промазал.

– Чего ж не понять... Учительница б из тебя, наверное, хорошая вышла. Все так складно объясняешь, будто на уроке. Кеша даже зевнул с притворцей, чтобы не было сомнений, как он относится ко всякого рода поучениям. Но Августу зацепило другое:

– Ой, верно сказал. Мне и в классе так говорили – учительницей будешь. А я вот...

Егорка спал, зажмурясь от ярких солнечных пятен, пробившихся сквозь листву смородины. Глядя на бледные скобки бровей младенца, Кочелабов попытался представить, что это его сын, его бутуз, но не забилося сильнее сердце, хоть в детстве мечтал он стать не летчиком, не капитаном, а просто папой.

– Чудно все устроено, ехор-мохор, – блаженно просиял Кочелабов. Вот гляжу, какая ты есть? Да никто была для меня, пигалица и только. А сейчас – навроде родни, все по-свойски.

– Характер у тебя легкий, Кеша, ты ведь со всеми накоротке... Со всеми, со всеми, – убежденно повторила она, – А я вот так не могу. Пока огляжусь, пока приноровлюсь к людям, другие то уж и познакомятся по десять раз и разойдутся. Какая-то несовременная я. Однажды влюбилась с маху, так всю себя иссовестила.

– Ну и не больно то изводишь, на других глядя. Поушить бы тут языки кое-кому.

– Я не про то. Как наши уехали, спокойно стало вокруг. В себе только покоя нет. Бывает, конечно, и накатит – захочется представить себя такой... пацанкой, как тогда, когда на речку бегали вместе, помнишь ведь?... Хочу, а не могу.

Она передернула плечами, не то удивляясь незадачливости своей, не то сомневаясь, надо ли откровенничать с Кешей. Совсем накоротке замешкалась Августа. А Кеша будто только этого и ждал. С бойкой развязностью ухажора – откуда что и взялось – подsunул ладонь под белый округлый локоть.

– Люблю старушек. Такие они обходительные.

Хотелось ему взбодрить Августу дурашливостью своей, сказать, чтоб не расстраивалась – все еще впереди, а вышло совсем скверно. Огорошенная тем, как походя сгинул наладившийся душевный настрой, она едва не ударила по этой грубой ладони:

– Тоже мне, бабник нашелся!

Все тем же придурковатым тоном он осведомился, неужто в самом деле в бабники не годится, и получил свое: «Не годишься!»

Как ни странно, эта явная очевидность напрочь испортила настроение Кочелабову. Уже отходя ко сну и тяжело ворочаясь на сеновале, он больше всего вспоминал и заново удивлялся той злости, с которой припечатали его те слова. Неужели за мужика не считает его Августа?

На следующее утро отправился Кочелабов с отцом чистить колодец. Был он глубок и зарастал зеленкой неспешно, но все же ухода требовал. Когда воду вычерпали и Кеша, обя-

завшись веревкой, спустился на дно, илистая взбаламученная жижица доходила ему до щиколоток.

Орудя совком, Кочелабов нагружал ведра, они уплывали вверх, в темный квадрат неба, проколотый отметинами звезд, и возвращались обратно. С пропахших сыростью выступов сруба часто срывались и чмокали у ног капли. И больше ни звука, ни шороха...

Запрокинув голову, он глядел вверх, ожидая, когда снова заслонит небо неторопливая фигура отца, а в глазах стояла обласканная, пронизанная солнцем Августа. Видение это странным образом двоилось: из худенькой беззаботной девчонки вдруг превращалось в налитую упругостью женщину с усмешливым взглядом. И столь же непонятно, вразбежку шли думы.

Представлял он, как приходит с работы уставший, а дома ждут его жена и сын, пусть не свой пока, – долго ли завести и своего, верно сказал Гуров. А вечером, не таясь, жметя к нему Августа и шепчет на ухо: «Милый.» Жарко, пьяно становилось от этих мыслей. И не было в ту минуту женщины желанней, чем она... Правда, и характер у Августы не прост. Да что характер – Кочелабов тоже при случае не заробеет, способен постоять за себя. В семье годами притираются друг к другу... Вот если б еще росточком была пониже. А то какой же он муж, если жена выше его будет, да и телом поздоровей. Засмеют кореша.

Так и не пришли к согласию сердце и разум ни в душном сумраке сеновала, ни в стылой темноте подземелья,

Когда на дне колодца остался чистый песок и заслезилась на него из расщелины ключевая вода, перевесилась сверху коротко остриженная голова и гаркнула:

– Эй, чертяка, подъем!

– Леха, ты что ли? – обрадовано заорал Кеша. Опупеть!

Едва выкарабкавшись из сруба и спрыгнув на землю, Кочелабов сорвал с себя петлю веревки и по-медвежьи пошел на друга, готовый облапить его. Алексей упредил насквозь промокшего Кешу – протянул для пожатья ладонь. Был он строен и молодецват: белая капроновая рубаша топорщилась у загорелой шеи упругими сгибами воротника, отглаженные стрелки брюк стояли навтыжку – можно было представить, что приехал на побывку из Находки не грузчик, а, по крайней мере, диспетчер торгового порта.

– Ты уж извини, не при параде.

– Какой там парад! Давай краба, давай свою пятерню.

Они крепко потискали ладони друг друга, но чувство неловкости от первого настороженного жеста осталось в Кочелабове, как жжение. Уже переодевшись и пообвыкнув к новому обличью друга, с которым не виделись со дня проводов в армию, Кеша все покачивал головой и нет-нет да повторял, что если бы встретил в городе такого парня, ни за что не признал бы в нем Лешку Дятлова.

Приятны были другу эти откровения. На ближней отмели, где вдоволь накупавшись, как встарь, грелись они, зарывшись в мелкий песок, рассказал Алексей про красавиц своих – жену и дочурку. А более того нахваливал тещу, за которой жилось ему, как за каменной стеной. Что купить, поменять – только свистни – все достанет.

– Где работает теща – не спрашивай, но что понадобится – скажи, сделаем. – напирал Алексей.

– Да не, – вяло отбивался Кочелабов. Все есть.

Отродясь не замечал Кеша столь заводной деловитости в Алексее, разве что прижигист, помнится, был. И теперь, вглядываясь в скуластое, вдохновенное похвальбой лицо друга, и завидовал Алексею и сожалел, что не стало прежнего Лешки, с которым обо всем можно было поговорить.

– Сингапур, о-о! – привстав на колени и войдя в раж, размахивал руками Дятлов. Сертификаты, кораллы... лучшие в мире транзисторы... банановозы... стивидоры... ченч...

Он говорил о заморских странах взахлеб, будто только что вернулся из того самого Сингапура, и веселая толстозадая макака хитровато подмигивала Кочелабову с желтых плавок.

Кеша не стал расспрашивать друга о загранице – все в поселке знали от Лешинной матери, что собирался он матросить в торговом флоте, но дорогу туда Дятлову перекрыли – попался однажды с товаром на черном рынке. Пусть потреплется, раз получает человек таким образом удовольствие, – снисходительно думал Кочелабов и время от времени, как сухой хворост в костер, подкидывал Алексею удивленное:

– Иди ты!..

Где-то под вечер, после того как посидели они у Дятловых за роскошной на вид бутылкой «Сантори виски», затосковал Кеша. Подумалось, ждет его, наверное, сегодня Августа, зная, что завтра гостит он дома последний день. Зайти к ней еще не поздно. Попить чайку, помолчать, душой отогреться после всего этого многословья.

Хоть и не просто чувствовал себя с Августой Кочелабов, но по-другому, иначе, чем у Дятлова. Здесь он должен был внимать и ахать, за тем и приглашен. А там охотнее прислушивались к нему, да не к любому слову, а с толком сказанному.

Извинившись перед Алексеем, сказал Кочелабов, что пора отчаливать ему к подружке – обещал. Дятлов кивнул понятиливо, достал из чемодана какую-то тряпицу с аляповатой кокосовой пальмой.

– Презент. Персонально для подружки.

Когда Кеша, помявшись, сунул подарок в карман и поднял голову, перед ним, понурясь, сидел другой Алексей, грустный и отрешенный, очень похожий на того, прежнего Лешку, у которого часто не получались задачки.

«Обиделся, – решил Кочелабов. В самом деле, столько не виделись. А вроде и посидеть вместе некогда. Хорош друг!» И так совестно стало за свою торопливость, что тотчас и передумал уходить:

– А-а, ладно, подождет.

– Кто, если не секрет?

– Августа.

– Дежнева что ли?.. Подождет. Куда она денется.

Сказано это было мимоходом, как о чем-то несущественном в жизни, так что сразу расхотелось Кочелабову продолжать разговор об Августе, о сомнениях своих. Он даже пожалел, что столь скоропалительно передумал уйти, и только с удивление слушал, как вновь набирает крепость приосевший было басок Алексея.

– А ты молодцом, так и надо. Решил – и точка, по-мужски... Как там на стройке-то?.. А то давай к нам, заработки знаешь какие!..

– У нас тоже неплохие, – покривил душой Кочелабов.

В тот день так и не попал он к Августе. И когда назавтра пришел попрощаться, чувствовал себя так, словно она знала обо всех его метаниях накануне. Про Дятлова сразу все выложил. Наточив топор, подтесал скособоченную в сенцах дверь. По-хозяйски оглядел огород: грядки ухожены, оплетенный проволокой забор не подгнил, лишь спружинил, когда Кеше попробовал его качнуть.

Августа ревностно приглядывала за стараниями гостя, пытаясь угадать, что бы все это значило, но не перечила, даже услышав далеко идущие планы:

– Деревца тоже не мешало бы посадить, а то стоит дом, как неодетый.

Ободренный молчаливым, как казалось ему, согласием, Кочелабов уже порешил, где лучше было бы прикопать рябину, а где черемуху, когда Августа с усмешкой спросила, не собирается ли он купить этот дом.

Вопрос был прям, как ружейный ствол, и Кеша спасовал перед его откровенностью:

– Что ж, выходит, и посоветовать нельзя?

– Почему ж, посоветовать всегда можно. А сердце попусту не бери. Не надо, Кеша, прошу. Тебе уезжать. Мне оставаться.

– Не в армию уезжаю. Вот приеду на октябрьские и принесу из леса рябину. И вообще... Чего языком-то зазря трепать.

Не обманывал Кеша, обещая приехать на Октябрьские праздники, и вот тогда-то... Что именно скажет он в следующий приезд, Кеша не представлял, потому и оттяжку на два месяца взял. Вроде как испытательный срок для себя наметил.

В этот приезд Кочелабова мать вела себя странно – судя по обиженно сжатым губам, по докучливым взглядам знала, к кому ходил Кеша, но молчала, словно дала зарок не вмешиваться больше в судьбу сына. Только когда он уже собрал в рюкзак нехитрые свои пожитки, не утерпела, спросив:

– Подженился что ль?

– Наболтают еще и не это. А ты слушай.

– Сама не слепая. Вижу, как глазами-то засверкал... Женит она тебя, помяни мое слово.

У Дежневых порода хваткая.

– А хоть бы и женись на ней, так что?

– А то самое. Дите-то чужое. И сама сладкой жизни попробовала. Может ты уж и не второй.

– Вот-вот! – враз ожесточился Кочелабов. Опять начинается. Может быть, а может не быть. Какая там сладкая жизнь, когда училась она, а вечерами уборщицей подрабатывала, чужие плевки подтирала.

– Э-э, дурное дело нехитрое. Время всегда найдется.

– Ох и горазда ты, мать, на всякие такие штучки. А после опять скажешь – бабы нашептали.

– Да живи как знаешь, коль мать тебе не указ! Коли девок для тебя не осталось – живи с брошенкой.

Распаленный перебранкой, не попросившись, а лишь махнув матери рукой, Кочелабов вышел из дома с твердым намерением зайти перед отъездом к Августе и сказать ей с порога, что если согласна выйти за него замуж, пусть ждет до Октябрьских, он своему слову верен. Но пока шагал Кочелабов по берегу, увязая в песке, настигла его дедовская, веками нажитая осмотрительность, зашептала на ухо: «Погоди, чего гоношишь-то, куда понужаешь? Огляди!» Да и пароход уже гукнул за мысом – долго, раскатисто донеслось по тихой воде.

Стоя на скользкой, испятнанной мазутом корме, откуда все дробнее гляделись присевшие за огородами дома Степановки, Кочелабов как бы заново измерял ногами пустынный берег и удивлялся, какая нелегкая понесла его через весь поселок не тротуарами, а по вязкому песку. Как будто нарочно так пошел, чтобы поостыла голова, а вроде б и мысли такой не возникало.

«Была бы шея, хомут найдется, – вспомнилась любимая присказка отца. – И то верно», – утешил сам себя Кочелабов.

В сентябре от той уверенности, с которой Кеша намерен был доказать матери свою самостоятельность, осталось едва-едва. Как-то ночью приснилось ему, будто вышел он спозаранку в свой огород, а там ватага голопузых, мал мала меньше. Морковку таскают, да так увлеклись, что и Кешу не замечают. «Ох, я вас сейчас, шантрапу!», – озлясь, заорал Кочелабов. А ребяташки – ни с места, будто от страха ноги к земле приросли. Стоят, глазами лупают, морковки в руках. А тут и Августа, откуда на возмись: «Ты чего это, Кеша, морковки сыновьям пожалел?» Пригляделся – одни мальчишки, все, кроме старшего, на него похожи. «Ничего себе нарobili, – бросило его в жар. Сколько же их там, шесть или семь?» Сразу от волнения не сосчитать. Крепыши все, розовощекие, едят его глазами. А она к нему клонится, шепчет: «Все мальчишки и мальчишки, к войне что ли? А мне так девочку хочется...» И не знает он, куда деваться от ее взгляда, что отвечать Августе не знает.

Привязчив оказался тот сон, не раз за утро с оторопью вспоминалось: это ж надо – семь сыновей! Попробуй-ка обиходи всех! И, собираясь на работу, подумал он с облегчением, что все же хорошо одному – ни о ком, кроме себя, голова не болит.

Вспоминалась Августа и вовсе иной: то солнцем насквозь пронизанной, то обмершей, притихшей под ладонью его. Но чем дальше пятилась та вольная отпускная пора, тем реже, расплывчатей посещали мысли об Августе. В конце октября Кеша еще собирался поехать домой на праздники, чтоб непременно зайти в знакомый, рубленый из кедрача пятистенок, посадить под окном рябину и все на месте решить.

Благим намерениям этим помешали сверхурочные – аккордный наряд, подваливший бригаде. Так уверял себя Кочелабов, хотя едва ли отказал бы ему Лясота в краткосрочной отлучке за свой счет. Арифметика здесь простая: чем меньше людей на аккорде, чем больше заработок у каждого.

Перед Новым годом Кочелабов еще намеревался съездить на Нижний Амур, если денег будет достаточно. А уж на Майские праздники и вовсе не тешил себя такой надеждой. Время сделало свое дело, притушило, заштриховало мелочными заботами остроту впечатлений тех дней, оставив Кочелабову лишь веру в то, что есть на свете дом, где он всегда будет желанным гостем, где, может быть, и сейчас его ждут.

Глава 5

Вспомнив те августовские дни, Кеша даже копать перестал. Постоял в недоумении: как же он об Августе сразу не подумал после того самого разговора: «Слышь, Кеша, невесту треба». Сколько девчонок в памяти перебрал, а ее будто не было вовсе. Не оттого ли, что искал он подходящую подругу здесь, на стройке, тогда как Августа в его представлении была неотделима от родного поселка, от того добротного дома.

«Да разве согласилась бы она поехать сюда? – подумалось тотчас. Не одна ведь, с Егоркой... А почему бы и нет, если б нашел нужные слова Кочелабов?.. Но что он может сказать сейчас, когда прошли все сроки?.. Молчал, молчал, и бух – вот он я, явился не запыхавшись свататься за Августу. Собирай вещи – ко мне поедем. Что ж, спросит, спохватился так вдруг? Квартиру посулили?.. Да, и язык не повернется выговорить такое, хоть честно мог бы признаться, что в прошлый приезд собирался жениться на ней без всякой квартиры... Более года пролетело. Для молодой, одинокой – год за два считай. Наверное, не оставили ее без внимания парни... Конечно не оставили, может быть, даже замуж вышла, хоть мать и не писала об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.